

ГОРЕ ПО ИНСТРУКЦИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

РОБЕРТ Т. КОЛДУНОВ

18+

Роберт Колдунов

Горе по инструкции

<https://litres.ru/73134918>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти мужа Мария делает всё правильно.

Похороны — как положено. Родители — рядом. Работа — по графику.

Она принимает клиентов, слушает чужую боль, подбирает точные слова и знает, как надо проживать утрату.

Горе имеет стадии.

Отрицание. Гнев. Торг. Депрессия. Принятие.

По крайней мере, так написано в учебниках.

Но в реальности Мария застревает между ними, перескакивая с одной на другую, словно по неровным ступеням. Она становится жёсткой, циничной, неудобной — и для окружающих, и для самой себя. В её жизни появляются алкоголь, сигареты и чёрный юмор, который звучит слишком честно, чтобы быть смешным.

Все думают, что она не справляется с потерей.

Но никто не догадывается, что её горе — не только о смерти.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	75
Глава 8	89
Глава 9	102
Глава 10	111
Глава 11	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Роберт Т. Колдунов

Горе по инструкции

Глава 1

Мария проснулась за сорок минут до будильника.

Не потому что что-то приснилось. Просто тело решило, что хватит. Глаза открылись сразу, без привычного тумана. Потолок был серым — утренний свет ещё не определился, день это или просто продолжение ночи. В квартире было холодно. Батареи щёлкали, как обычно, без результата.

Она полежала, прислушиваясь.

Сердце билось ровно. Не быстрее обычного. Дыхание спокойное. В животе — пусто, но не мутило. Горло не сжималось. Никаких признаков истерической реакции. Она отметила это так же, как отмечала бы у клиента: состояние стабильное, витальные функции в норме.

Мария встала.

Пол был ледяной. Она на секунду задержалась, прежде чем наступить — не из-за боли, просто чтобы понять, насколько холодно. Холод оказался терпимым. Значит, можно не надевать носки сразу.

В ванной лампа загорелась не с первого раза. Она щёлкнула выключателем ещё раз, без раздражения. Зеркало по-

казало лицо без сюрпризов: чуть бледнее обычного, под глазами тени, но не те, что появляются после слёз. Кожа сухая. Она провела ладонью по щеке — ощущение было чужим, как будто касалась не себя, а манекена.

Вода в кране пошла ржавая, потом прозрачная. Мария подождала, пока станет холодной, умылась. Щёки покраснели — рефлекторно, без участия эмоций. Это её успокоило. Тело реагирует. Хорошо.

Она почистила зубы, не глядя в зеркало. Зубная паста была почти на исходе — мысленно поставила галочку: купить новую, не сегодня. Сегодня не до этого.

Одежда висела на спинке стула с вечера. Чёрное платье, плотное, без выреза. Колготки. Пальто. Всё проверено заранее: без катышков, без пятен, без лишних деталей. Мария не любила импровизации, особенно в ситуациях, где от неё ожидали определённого поведения.

Она оделась медленно, но без пауз. Движения были точными, экономными. Никакой суеты. Если бы кто-то наблюдал со стороны, мог бы подумать, что она репетировала это утро заранее. Возможно, так и было.

На кухне пахло вчерашним чаем. Чашка стояла там же, где она её оставила. Мария посмотрела на неё и решила не мыть. Не из принципа — просто не имело значения. Она налила воды, выпила несколько глотков. Желудок принял спокойно. Тошноты не было.

Она снова отметила это.

На часах было шесть двадцать. Времени оставалось достаточно. Родители должны были приехать к восьми. Значит, у неё ещё есть полтора часа тишины. Она села за стол, сложила руки на коленях и посидела так несколько минут, глядя в стену.

Мыслей о нём не было.

Это тоже было заметно. Не тревожно — просто как факт. Она не отталкивала воспоминания, не уговаривала себя «не думать». Их просто не возникало. Сознание было занято другим: последовательностью действий, временем, логистикой. Кладбище. Люди. Речь. Прощание. Всё это существовало как схема, не как событие.

Мария подумала, что позже, возможно, накроет. Так бывает. Отложенная реакция. Организм сначала держится, потом сдаёт позиции. Она знала это. Читала, слышала, объясняла другим.

Сейчас же всё было в порядке.

Сердце — ровно. Дыхание — спокойно. Руки не дрожат. Голова ясная. Она даже почувствовала лёгкое удовлетворение от этой внутренней собранности, но тут же убрала это ощущение, как неуместное.

Она встала, проверила сумку: документы, телефон, ключи. Всё на месте. Телефон был без пропущенных. Экран остался тёмным. Мария положила его обратно, не включая звук.

Перед выходом она снова посмотрела в зеркало. На этот

раз внимательно. Лицо выглядело так, как и должно выглядеть лицо вдовы на утро похорон: спокойное, чуть отстранённое, без излишней выразительности. Если потребуется, она сможет добавить нужное выражение — слегка опущенные уголки губ, взгляд вниз. Это не было ложью. Скорее — настройкой.

Родители приехали ровно в восемь.

Мария услышала их раньше, чем звонок: шаги на лестнице, знакомый темп — отец чуть быстрее, мать осторожнее, как будто несёт что-то хрупкое. Звонок прозвучал коротко, без нажатий. Валентина Петровна всегда так звонила — вежливо, как будто могла помешать.

Мария открыла дверь сразу.

Мать была в чёрном пальто, слишком аккуратном для такого утра. Волосы уложены, губы накрашены, глаза красные — не от бессонницы, а от слёз. Она сразу шагнула вперёд и обняла Марию, прижавшись щекой к её плечу.

— Бедный Эдик, — сказала она тихо, как будто в комнате мог кто-то услышать.

Мария не ответила. Она позволила обнять себя, не обнимая в ответ. Тело снова сработало корректно: не отдёргнулось, не напряглось. Просто стояло.

Сергей Николаевич зашёл следом. Он кивнул Марии — не как дочери, а как человеку, с которым предстоит общее дело. Лицо у него было хмурое, тяжёлое, без следов слёз. Он не подошёл ближе, остановился у входа, осматриваясь, как

будто проверял, всё ли готово.

— Машина готова. Можем спускаться, — сказал он.

Мария кивнула.

Валентина Петровна отстранилась, посмотрела на дочь внимательно, оцениваяюще. Её взгляд задержался на воротнике пальто, на линии плеч, на волосах.

— Поправь, — сказала она и сама потянулась, приглаживая ткань. — Так лучше. Люди будут смотреть.

Мария позволила. Это было привычно. Мать всегда начинала с внешнего. Внешнее было тем, что она умела чинить.

— Ты бледная, — добавила Валентина Петровна, но без тревоги. Скорее как констатацию. — Ну, ничего. Это понятно. Такое горе.

Она снова всхлипнула, вытерла глаза платком. Плакала она красиво, аккуратно, не размазывая тушь. Мария заметила, что мать плачет по-настоящему. Не по ней. По Эдуарду. По зятю. По тому, как «не должно было быть».

Сергей Николаевич заглянул внутрь кухни.

— Документы где? — спросил он.

— В сумке, — ответила Мария. — Я проверила.

— Хорошо.

Он сел табурет в прихожей, сложил руки, посмотрел в окно комнаты напротив. За окном было серо, сыро, без движения. Он смотрел туда долго, как будто искал в этом виде подтверждение чему-то своему. Потом кивнул сам себе.

— Всё сделано как надо, — сказал он. — Нормально всё.

Мария снова отметила формулировку. «Как надо». Это было их семейное заклинание. Оно подходило к любой ситуации: болезни, смерти, браку, разводу — если бы развод вообще рассматривался как вариант.

Валентина Петровна прошла по комнате, поправляя незаметные вещи: сдвинула стул, выровняла всящую одежду, подняла с вешалки пылинку, которой там не было. Потом остановилась перед Марией.

— Ты держись, — сказала она. — Ради себя. Ради памяти. Он же... он тебя любил. По-своему.

Мария почувствовала, как у неё чуть свело челюсть. Не сильно. Скорее как предупреждение. Она расслабила её, медленно, чтобы мать не заметила.

— Я держусь, — сказала она.

Это была правда. В той форме, в какой она сейчас была возможна.

Сергей Николаевич встал, подошёл ближе, но так и не посмотрел Марии в глаза. Его взгляд скользнул мимо, остановился где-то на уровне её плеча.

— Если что, — сказал он, — мы рядом. Понятно?

— Понятно.

Никто не спросил, как она жила с Эдуардом.

Никто не спросил, было ли ей страшно.

Никто не спросил, как она спала последние годы.

И Мария не ждала этих вопросов. Она знала своих родителей слишком хорошо. Отец — человек системы: если вы-

держала, значит, могла. Если не умерла, значит, не критично. Мать — человек порядка: если признать, что дочери было плохо, придётся признать, что плохо было и ей. А это уже опасно.

Они поддерживали траур. Но не её.

Валентина Петровна снова подошла и поправила воротник — уже второй раз, без необходимости.

— Так, — сказала она, глубоко вздохнув. — Поехали. Нельзя опаздывать. Это некрасиво.

Мария взяла сумку. Отец открыл дверь, пропуская их вперёд. Всё происходило спокойно, корректно, без единого лишнего слова.

В машине было тесно и тепло.

Запах — смешанный: дешёвый освежитель с чем-то сладким, старый пластик, мокрая ткань. Мария отметила, что запах не раздражает. Значит, уровень напряжения пока в пределах нормы. Если бы был выше — началась бы тошнота или головная боль. Ничего этого не было.

Отец вёл молча. Руки на руле — уверенные, чуть жёсткие. Он водил так же, как жил: без резких движений, с поправкой на худшее. Мать сидела рядом, сложив сумку на коленях, иногда вздыхала, но негромко. Эти вздохи были адресованы не воздуху — пространству между ними. Мария сидела сзади.

Она начала считать перекрёстки почти сразу. Первый — со светофором. Второй — без разметки, с лужей у обочины.

Третий — где всегда тормозят слишком резко.

На пятом она сбилась и начала сначала. Это не раздражало. Наоборот, давало ощущение структуры.

За окном моросило. Не дождь — именно морось, мелкая, упрямая. Такая, от которой зонт бесполезен, а без него неприятно. Небо было низким, серым, без оттенков. Мария подумала, что погода подходит. Не как символ — просто функционально. Никому не будет жарко, никто не вспотеет. Это важно, когда много людей и мало воздуха.

— Машин сегодня много, — сказала мать, глядя вперёд.

— Выходной, — ответил отец.

Диалог закончился. Оба остались довольны: слова сказаны, пустота заполнена.

Мария смотрела на затылок отца. Линия шеи, седина у висков. Она поймала себя на том, что не испытывает ничего, кроме лёгкой усталости от необходимости присутствовать. Это тоже было ожидаемо. Усталость — нормальная реакция на перегруз.

Она снова сосредоточилась на счёте.

На подъезде к кладбищу машина замедлилась. Дорога стала хуже, асфальт — рваным. Мария почувствовала, как её чуть качнуло, и автоматически упёрлась носком ботинка в пол. Тело продолжало помогать, не задавая вопросов.

Запах изменился. В салон потянуло сыростью и чем-то землистым. Она подумала, что этот запах потом будет ассоциироваться с сегодняшним днём. Ассоциации формируют-

ся быстро, если их не отслеживать. Она отметила это и отложила в сторону.

На стоянке уже были люди. Немного. Значит, приехали не первые и не последние. Оптимально.

Отец заглушил двигатель, вышел первым. Мать поправила платок, прежде чем открыть дверь. Мария подождала секунду — не потому что нужно было собраться, а чтобы пропустить вперёд. Так проще. Меньше взглядов.

На кладбище было тихо, но не пусто. Звук шагов по траве, приглушённые голоса, кашель где-то в стороне. Мария шла чуть позади родителей и уже здесь, без усилия, начала замечать людей.

Эта женщина плачет искренне — у неё дрожат плечи, дыхание сбивается. Этот мужчина держится за край пальто — не от горя, а потому что не знает, куда деть руки. Та пара переглядывается слишком часто — из вежливости, из социальной обязанности быть «при деле».

Она не оценивала. Просто фиксировала. Профессиональная деформация, сказала бы она кому-то другому. Сейчас это было просто способом не раствориться.

Кто-то поздоровался, кивнул. Мария ответила так же. Лицо у неё, по ощущениям, было правильным. Нейтральным. Слегка напряжённым — ровно настолько, насколько от неё ожидали.

Она заметила, что никто не смотрит на неё долго. Вдова — объект, к которому опасно приближаться слишком близко.

Люди боятся сказать что-то не то. Это облегчает задачу.

О муже она не думала.

Он присутствовал здесь как факт, как причина сбора, как точка в расписании дня. Не как человек. Не как образ. Не как память. Мария отметила это и не стала углубляться. Сейчас в этом не было необходимости.

Она снова услышала собственное дыхание. Ровное. Спокойное.

Отстранение — да. Шок — возможно.

Пока этого было достаточно.

Речь началась без паузы, как будто её включили вместе с микрофоном.

Голос священника был ровным, без акцентов. Он говорил так, будто читал инструкцию, слегка замедляя темп в нужных местах. Мария сначала пыталась слушать, потом поняла, что слова проходят мимо, не задевая. Оставалась только интонация — приглушённая, траурная, выверенная.

Она подумала, что этот голос подошёл бы для любого случая. Не только для сегодняшнего. Его можно было использовать снова и снова, меняя имена, даты, родственные связи. Универсальный голос. Безошибочный.

Священник продолжил почти тем же тоном. Разница была минимальной — чуть больше пауз, чуть ниже голос, больше слов о вечности. Формулировки знакомые, как будто она слышала их раньше. Возможно, слышала. Возможно, просто знала, что именно сейчас должно быть сказано.

«Светлая память».

«Пусть земля будет пухом».

«Скорбим вместе с вами».

Мария поймала себя на том, что мысленно отмечает эти фразы, как клише. Не с раздражением — скорее с профессиональным интересом. Она подумала, что если убрать имена и обстоятельства, текст останется рабочим. Это было бы удобно для службы. Экономия времени. Экономия эмоций.

Она стояла прямо, руки опущены вдоль тела. Пальцы немного замёрзли, но не немели. Холод был поверхностный, терпимый. Она снова отметила это, почти машинально.

Крышка гроба была закрыта.

Мария посмотрела на неё внимательно, без спешки. Лак блестел ровно, без подтёков. Цвет — тёмный, не броский. Она подумала, что мастера хорошо знают своё дело. Всё выглядело аккуратно. Правильно.

Её пригласили подойти ближе. Она сделала шаг — ровно один. Этого было достаточно, чтобы соблюсти ритуал. Дальше она не пошла. Не потому что боялась. Просто не было необходимости.

Подходить ближе значило вступать в контакт. Контакт сейчас не требовался.

Она чувствовала, что если подойдёт ещё на шаг, придётся смотреть иначе. Не на объект. Не на крышку. А на то, что под ней. Это усложнило бы процесс. А усложнение сейчас было лишним.

Мария осталась там, где стояла.

Кто-то рядом всхлипнул. Мать. Тихо, сдержанно, как будто извиняясь за звук. Отец стоял неподвижно, глядя куда-то мимо. Его плечи были напряжены, но лицо — закрытое. Он не смотрел на гроб. И не смотрел на неё.

Речь продолжалась. Слова ложились ровным слоем, не проваливаясь, не задерживаясь. Мария подумала, что это похоже на снег, который сразу тает, не успев стать заметным. Хорошая метафора, отметила она и тут же отложила её. Сейчас не время для метафор.

Она не чувствовала пустоты. И не чувствовала боли.

Это тоже было показательно. Отсутствие реакции — тоже реакция. Она знала это. Знала и принимала как рабочую гипотезу. Осознание придёт позже. Так часто бывает. Сначала — функциональность. Потом — последствия.

Когда церемония подошла к концу, Мария поняла это не по внутреннему ощущению, а по тому, как люди начали двигаться. Шаги, повороты, неловкие паузы. Ритуал был завершён.

Она ещё раз посмотрела на гроб — не дольше, чем требовал момент. Затем отвела взгляд.

Она не осознавала потерю. Не потому что не могла.

Потому что не позволяла себе контакт.

После церемонии люди стали подходить по одному.

Не сразу — с паузами, будто выстраивались в очередь внутри себя. Мария стояла на месте, не делая шага на-

встречу. Это упрощало процесс: если она не двигалась, от неё не ждали лишнего.

— Держитесь, — сказала женщина в сером пальто. Голос мягкий, натренированный. Такие говорят с детьми и больными.

Мария кивнула.

— Спасибо.

Женщина задержалась на секунду дольше, чем нужно. Ждала продолжения. Мария не дала. Женщина кивнула в ответ — слегка разочарованно — и отошла.

Следующий.

— Соболезную, — сказал мужчина, которого Мария видела пару раз в подъезде. Он смотрел не на неё, а куда-то сбоку, как будто проверял, не смотрят ли на него другие.

— Спасибо.

Он ушёл быстро. Ему было важно зафиксировать присутствие и двигаться дальше.

Коллега с работы подошла осторожно, почти боком. Лицо напряжённое, губы поджаты.

— Если что... — начала она и замолчала.

— Спасибо, — сказала Мария раньше, чем фраза нашла продолжение.

Коллега кивнула. Этого оказалось достаточно.

Формулировки повторялись. Менялись лица, интонации — минимально. Смысл оставался прежним. Мария ловила себя на том, что запоминает не людей, а именно фразы. Как

если бы собирала материал.

«Держитесь».

«Сил вам».

«Такой молодой ещё».

«Это всегда неожиданно».

Она отмечала, кто говорит искренне — таких было немного, но они не задерживались, не требовали реакции. Сказали — ушли. Кто ждал ответа — смотрел пристально, чуть наклоняясь вперёд, как будто от её слов зависело что-то важное для них самих. Кто пришёл «отметиться» — говорил быстро, с облегчением, словно выполнял неприятную, но обязательную процедуру.

Мария реагировала одинаково на всех. Кивок. Короткое «спасибо». Взгляд — в пределах нормы, не слишком долгий, не избегающе короткий. Она знала этот диапазон. Знала давно.

В какой-то момент она поймала себя на том, что может предсказать фразу ещё до того, как человек её произнесёт. Это было почти смешно. Почти. Уголки губ едва заметно дёрнулись, но она вовремя остановила это движение. Юмор сейчас был бы воспринят неправильно.

— Ты как? — спросила дальняя родственница, и в этом вопросе было больше любопытства, чем участия.

Мария посмотрела на неё секунду дольше обычного.

— Нормально, — сказала она. — Спасибо, что пришли.

Родственница удовлетворённо кивнула. Ответ её устроил.

Мария подумала, что «нормально» — очень удобное слово. Вмещает всё и ничего не объясняет. Она мысленно отметила это как удачную формулу.

Люди продолжали подходить. Поток был ровным, предсказуемым. Она чувствовала лёгкую усталость — не эмоциональную, а когнитивную. Слишком много одинаковых сигналов, слишком мало вариаций. Мозг начинал экономить ресурсы.

Она поймала взгляд отца. Он стоял в стороне, наблюдая, как она справляется. Не вмешивался. Мать была занята слезами другой женщины — та плакала громче, и это требовало внимания.

Мария снова кивнула кому-то, сказала «спасибо» и подумала, что если бы сейчас кто-то спросил её о себе — не о муже, не о горе, а именно о ней — она бы, скорее всего, не ответила. Не потому что не хотела. А потому что вопрос был бы некорректно сформулирован.

Люди не спрашивали.

Это было удобно для всех.

Когда подошло время прощаться, Мария это поняла не сразу.

Просто люди начали смещаться ближе. Плотнее. Кто-то шагнул вперёд без очереди, потом извинился. Кто-то, наоборот, замер, как будто боялся оказаться слишком близко. Движение стало вязким, медленным, как в воде.

Земля была тёмной и мокрой. Комья лежали аккуратно,

лопатой их уже разровняли. Мария отметила, что копали недавно — края ещё не осыпались. Значит, всё по графику. Никаких задержек.

Финальные слова прозвучали чуть громче остальных. Не потому что они были важнее, а потому что так было принято. Голос снова был ровным. Интонация — сочувственная, но без риска сорваться. Мария поймала себя на том, что ждёт внутри отклика — как реакции на стимул.

Вот сейчас, подумала она. Сейчас должно быть.

Она прислушалась к телу.

Грудь — спокойно. Горло — свободно. Глаза — сухие.

Она позволила паузе растянуться, не вмешивалась. Иногда реакции запаздывают. Это нормально. Она знала примеры. Знала случаи. Знала формулировки.

Лопата ударила о землю глухо, без металлического звона. Звук оказался неожиданно мягким. Кто-то всхлипнул рядом — не резко, с надрывом, а как будто по инструкции, на нужном такте. Мария повернула голову и тут же отвернулась. Не из-за неловкости. Просто не было причины смотреть.

Она снова ждала.

Слёз. Дрожи. Пустоты — хотя бы её.

Ничего.

Вместо этого было странное ощущение ясности. Как в моменты, когда наконец понимаешь, что делать дальше. Не облегчение — скорее отсутствие сопротивления. Мысль шла ровно, без скачков. В голове не шумело.

Мария отметила это почти с интересом.

Если бы сейчас был сеанс, она бы задала уточняющий вопрос. Про телесные ощущения. Про дыхание. Про мысли. Сейчас она просто фиксировала данные.

Кто-то сказал:

— Прощай.

Слово прозвучало буднично, почти неразличимо. Мария подумала, что «прощай» — очень перегруженное слово. Слишком много значений. Возможно, поэтому оно сейчас не сработало.

Земля легла ровным слоем. Без суеты. Без резкости. Всё происходило так, как должно происходить. Мария чувствовала, что от неё ждут реакции. Не демонстративной — хотя бы минимальной. Опущенного взгляда. Задержанного дыхания. Чего-то узнаваемого.

Она чуть медленнее вдохнула. Этого оказалось достаточно.

Внутри она сделала вывод, спокойный и логичный: значит, горе ещё не дошло.

Так бывает. Сначала организм держит. Потом отпускает. Это защитный механизм. Она не видела в этом проблемы. Не сейчас.

Контроль работал исправно. Эмоции — в режиме ожидания.

Мария отвела взгляд от земли и подумала, что позже, возможно, будет хуже. Но это будет потом. А сейчас — всё под

контролем.

Поминки проходили в зале без окон.

Мария отметила это сразу. Воздух стоял плотный, тёплый, с запахом майонеза и горячего хлеба. Столы накрыли аккуратно, даже старательно. Белые скатерти, одноразовые тарелки, пластиковые вилки, которые гнулись при первом же нажатии.

Еду раскладывали молча. Не из уважения — просто так было удобнее. Мария смотрела, как чья-то рука ровно выкладывает ломтики колбасы, поправляет салфетку, убирает крошки. Движения уверенные, отработанные. Как будто этот сценарий уже много раз запускался и всегда заканчивался одинаково.

Кто-то произнёс тост.

Коротко. Правильно. Без лишних слов.

Мария подняла рюмку вместе со всеми. Сделала глоток. Водка была холодной и резкой, как и положено. Горло отреагировало сразу, тело — позже. Она поставила рюмку на стол и сразу взялась за вилку. Так делали почти все.

Разговоры пошли быстро. Сначала вполголоса, потом свободнее. Темы всплывали осторожно, но не задерживались: погода, дорога, цены, кто как добрался. Кто-то сказал, что в этом году весна странная. Кто-то кивнул слишком активно.

Мария слушала и отмечала, как легко речь соскальзывает с утраты на бытовое. Без усилий. Без стыда. Как будто между «его больше нет» и «передай хлеб» нет никакой дистанции.

Она ела медленно, не потому что не хотелось, а потому что не было нужды спешить. Жевала тщательно, считая движения. Майонез оказался слишком жирным, картофель — недосоленным. Она мысленно отметила дисбаланс вкусов и тут же поняла, что это наблюдение лишнее. Но убирать его не стала.

Кто-то рассмеялся. Сразу же извинился. Смех оборвался неловко, но не болезненно. Жизнь аккуратно возвращалась на свои рельсы, не оглядываясь.

Мария почувствовала усталость.

Не резкую. Не обрушивающуюся.

Просто ровное, тяжёлое ощущение, как после долгого дня, где слишком много контакта и ни одного перерыва. Голова оставалась ясной, тело — послушным, но внутри нарастало раздражение, не имеющее чёткого адреса.

Она поняла, что устала не от утраты. И не от пустоты.

Она устала от людей. От их голосов. От их присутствия. От необходимости быть здесь правильно.

Мария аккуратно отодвинула тарелку и подумала, что это, пожалуй, первый за день момент, который ощущается честно.

Глава 2

Холод пришёл раньше будильника.

Мария проснулась с ощущением, что в квартире кто-то оставил окно открытым. Она полежала несколько секунд, считая вдохи. Три — нормально. Четыре — тоже. Сердце билось ровно, без рывков. Тело было тяжёлым, но послушным.

Она встала.

Вода в душе сначала пошла ледяная, потом выровнялась. Она стояла под струёй, не закрывая глаза, и отмечала: давление стабильное, температура терпимая. Плечи расслабляются медленно. Шея — нет. В зеркале — обычное лицо. Чуть бледнее, чем нужно, но без отёков. Глаза сухие. Это она тоже зафиксировала.

Полотенце висело там же, где и всегда. Она вытерлась, не торопясь, как будто время не имело значение.

Кофе оказался слишком крепким. Она добавила воды, не меняя выражения лица. Оделась в то, что приготовила с вечера: тёмное, простое, без пуговиц, которые могут застрять. Проверила карманы. Ключи. Телефон. Всё на месте.

И уже на кухне, между глотком и вдохом, мысль появилась.

Короткая. Чужая.

Хочется закурить.

Она замерла с кружкой в руках. Мысль не имела образа

— ни сигареты, ни дыма. Просто импульс. Как зуд, который нельзя почесать, потому что он не на коже.

Мария отметила его сразу. Не как желание — как симптом.

Её раздражение было почти профессиональным. Она никогда не курила. Запах табака вызывал у неё тошноту ещё со студенческих лет. Даже чужие куртки, пропахшие дымом, она старалась не трогать. Эдик курил иначе — тяжело, с нажимом, так, будто каждая сигарета что-то доказывала. Дым въедался в шторы, в постель, в разговоры. Она ненавидела это.

Мысль не имела на это права.

Она сделала ещё один глоток кофе. Поставила кружку в раковину. Импульс не исчез сразу, но ослаб, как если бы его признали.

— Стресс, — сказала она себе без интонации. — Острая ситуация. Мозг ищет быстрый способ регуляции.

Объяснение было достаточным. Почти убедительным.

Она надела пальто, проверила, выключена ли плита, и вышла из квартиры. В коридоре было холоднее, чем ожидалось. Её это не удивило.

Организм работал исправно. Значит, всё было в порядке. Улица была влажной, хотя дождя не было.

Мария шла медленно, подстраиваясь под поток. Асфальт темнел пятнами, люди расходились неровно, как будто каждый шёл в своём темпе и своём направлении, даже когда на-

правление совпадало. Она держала руки в карманах пальто и чувствовала ткань под пальцами — шерсть, чуть колючая, настоящая.

На остановке курили.

Двое мужчин, не глядя друг на друга. Женщина в длинном пуховике затягивалась быстро, как будто торопилась закончить. Дым висел низко, и Мария автоматически сместилась на шаг в сторону, прежде чем поймала себя на этом. Запах был резкий, знакомый. Тело отреагировало раньше мысли: плечи напряглись, дыхание стало короче.

Она отметила это.

В автобусе пахло кофе. Бумажные стаканы, крышки, следы от губ. Кто-то держал бутылку с чем-то тёмным, завернутую в пакет из ближайшего магазина. Она не видела этикетку, но это было неважно. Сам жест был узнаваемым — сжатая рука, чуть наклонённое запястье, как у людей, которые знают, зачем купили.

И мысль снова пришла.

Выпить бы сейчас что-то нормальное.

Формулировка ей не понравилась. Она сразу начала уточнять, как будто давала показания.

Не водку. Водка — это не про вкус. Это про «так принято». Про стол, про тост, про отсутствие альтернативы. Про пустоту после.

Ей никогда не нравилось состояние опьянения. Потеря чёткости. Замедление реакции. Утро потом. Она слишком

хорошо знала, что происходит с когнитивными функциями, когда человек пытается «снять напряжение». Слишком много раз слушала это в чужих словах.

Алкоголь не решает. Алкоголь выключает.

Она смотрела в окно, где отражались лица — обрывками, слоями. И понимала это слишком ясно: не чувствовать. Не думать. Снизить уровень шума до допустимого.

Это было не теоретическое знание. Не из учебника.

От этого стало неприятно.

Она отвернулась от стекла и сосредоточилась на маршруте. Следующая остановка. Потом ещё одна. Всё было предсказуемо. Управляемо.

Понимание не делало её ближе к Эдику. Но делало опасно похожей.

Мария сжала пальцы сильнее и вышла на своей остановке, не оглядываясь.

Кабинет встретил её тишиной.

Плотной, выверенной. Такой, какую она сама здесь собирала годами. Нейтральные стены, свет без желтизны, кресла, поставленные на правильном расстоянии — не слишком близко, не слишком далеко. Всё работало. Всё было на своих местах.

Мария повесила пальто, включила лампу, проверила окно. Обычный порядок входа. Руки двигались раньше, чем возникала мысль.

Она села за стол и выдвинула ящик.

Машинально.

Взгляд скользнул внутрь — блокнот, ручки, упаковка салфеток, документы. Сигарет там, разумеется, не было. И быть не могло.

Она задвинула ящик чуть резче, чем нужно.

Раздражение поднялось быстро и ровно, без эмоций. Скорее как холодная злость — на сам факт движения, на эту лишнюю проверку, на то, что тело снова сделало что-то без её разрешения.

Мария выпрямилась, положила ладони на стол.

Реакция на утрату привычного объекта, — отметила она про себя. Формирование заместительного поведения. Перенос.

Слова ложились аккуратно, как карточки в картотеке. Понятные. Проверенные. Безопасные.

Она посмотрела на часы. До клиента оставалось семь минут.

Дыхание было ровным. Пульс — в пределах нормы. Никаких соматических проявлений. Никаких сбоев.

Кабинет оставался тем же. Роль — тоже.

Только слова, которыми она это объясняла, почему-то больше не снижали напряжение.

Она вошла вовремя. Села аккуратно, почти извиняясь за занятое пространство. Сумку поставила у ног, руки сложила на коленях. Голос ровный, без надрыва.

— Он снова сорвался на выходных, — сказала она так,

будто речь шла о сломанном чайнике. — Ничего нового. Просто... громче, чем обычно.

Мария кивнула. Медленно. В нужный момент.

Она слушала. Отмечала темп речи, отсутствие аффекта, выверенные формулировки. Женщина не жаловалась — докладывала. Каждый эпизод сопровождался пояснением. Почему сейчас нельзя уйти. Почему потом будет проще. Почему в целом всё не так однозначно.

— Он не всегда такой.

— У нас ипотека.

— Ребёнок ещё маленький.

— Сейчас кризис, сами понимаете.

— Я не хочу рушить семью.

Мария делала пометки. Короткие, почти механические. Слова складывались в знакомую схему. Слишком знакомую.

Сначала она работала правильно. Задавала уточняющие вопросы. Переформулировала. Отражала.

— Вы говорите об этом спокойно, — сказала она. — Как будто это часть быта.

Женщина пожала плечами.

— А что тут чувствовать? Привыкаешь.

Мария отметила, как у неё свело челюсть. Ненадолго. Почти незаметно.

Разговор продолжался. Объяснения становились плотнее, изобретательнее. Каждое — логичное. Каждое — окончательное.

И в какой-то момент Мария перестала ждать паузы.

— Вы не уходите не потому, что не можете, — сказала она. — А потому что пока это для вас привычнее, чем неизвестность. Безопаснее.

Женщина моргнула. Не возразила.

Мария продолжила, не снижая темпа.

— Он бьёт вас, потому что знает: последствий не будет. Вы остаетесь, потому что система работает. Не против вас. Для него.

Она услышала собственный голос — сухой, точный, без обычной мягкости. И не остановилась.

— Вы называете это семьёй, потому что иначе придётся признать, что вы живёте в опасности. А это слишком дорого.

Женщина сжала пальцы. Медленно. Как будто проверяя, свои ли.

В кабинете стало тесно. Мария почувствовала, как тянет в груди. Как язык упирается в небо. Мысль о сигарете возникла резко, почти агрессивно. Потом — о глотке чего-то крепкого. Быстрого.

Она откинулась на спинку кресла.

— Я не говорю, что вы обязаны уйти, — добавила она уже холоднее. — Я говорю, что вы всё понимаете. И каждый раз выбираете остаться.

Женщина молчала. Смотрела в пол.

Мария смотрела на неё и ясно видела структуру. Повторы. Защиты. Рационализации. Всё было очевидно. Прозрачно.

Почти скучно.

Она не заметила, в какой момент перестала слышать себя.

Дверь закрылась мягко. Слишком мягко — как будто кабинет сам пытался сгладить происходящее.

Мария осталась сидеть. Не сразу встала. Смотрела на пустое кресло напротив — ткань ещё хранила тепло чужого тела. Ничего особенного. Обычный след присутствия.

Она выдохнула через нос.

Слишком жёстко, — отметила она. Без интонации. Как рабочее замечание.

Не «неправильно». Не «опасно». Просто — жёстко.

Мария встала, прошла к окну, приоткрыла его на пару сантиметров. Воздух с улицы был холодным и сухим. Где-то внизу курили. Запах поднялся сразу, уверенно, как если бы знал дорогу.

Мысль возникла не резко — наоборот, спокойно.

Закурить.

Она опёрлась ладонями о подоконник. Почувствовала, как напряглись плечи. Челюсти снова сжались — автоматически, без команды.

Раньше такие мысли она отбрасывала сразу. Фиксировала. Объясняла. Закрывала.

Сейчас — нет.

Она просто позволила ей побыть. Несколько секунд. Чуть дольше, чем нужно.

Ничего не сделала. Не достала сигареты — их всё равно

не было. Не налила. Не вышла. Контроль оставался на месте. Просто перестал быть бесшовным.

Мария закрыла окно, вернулась к столу и начала убирать записи в папку. Аккуратно. Как всегда. Но мысль всё ещё была где-то рядом. Не требовала. Ждала.

Глава 3

Последний клиент вышел без спешки. Закрыв дверь аккуратно, как будто боялся нарушить равновесие в коридоре.

Мария сделала пометку, поставила дату, закрыла файл. Рука не дрогнула. День был собран в привычную цепочку: вопросы, паузы, ответы, тишина. Всё — на своих местах.

В коридоре уже шумели.

— Ну что, коллеги, — сказал кто-то бодрым голосом, который держался на кофе и упрямстве, — день сегодня был плотный.

Кто-то хмыкнул. Кто-то поддержал. Слово «плотный» прозвучало сразу несколько раз — как универсальное обозначение усталости, в которой не принято разбираться.

— У меня два переноса и один отказ, — сказала женщина из соседнего кабинета. — Весна.

— У меня наоборот, — ответили ей. — Все пришли. Как на работу.

Мария вышла, закрыла кабинет, повернула ключ. Проверила. Потом ещё раз — по привычке. Взгляды скользнули по ней быстро и так же быстро ушли дальше. Присутствие было отмечено, но не задержано.

— Ты завтра тоже до восьми? — спросила Оля у Марии.

— Да.

— Герой, — сказали без зависти. Скорее с констатацией.

Люди собирали сумки, натягивали пальто, обсуждали расписания на завтра, отмены на следующую неделю, кого куда «перекинуть». Разговоры были короткие, функциональные. Никто не говорил о содержании. Только о форме.

Мария слушала и ловила себя на том, что знает эти фразы слишком хорошо. Они звучали каждый вечер. Немного менялись интонации, но смысл оставался тем же: мы устали, но справляемся.

Лица были уставшими. Не драматично — рабоче. Такая усталость не требует сочувствия, только признания.

Она подумала, что здесь все умеют говорить о боли. Чужой. Правильными словами. В нужной дистанции.

И почти никто не умеет просто быть рядом с ней.

Мария надела пальто, взяла сумку и пошла вместе со всеми — в сторону выхода, где день заканчивался и начиналась другая, такая же нормальная часть жизни.

— Пойдём кофе выпьем? — предложила Оля, уже надевая шарф. — Ну... чтобы ты не сидела одна.

Фраза была выстроена аккуратно. С паузой в правильном месте. Без нажима. Как положено.

Мария кивнула сразу. Даже не подумала, хочет ли. Согласие получилось автоматическим, как ответ на приветствие.

— Тебе сейчас, наверное, тяжело, — добавил Андрей. С тем же тоном, каким говорят о погоде или простуде.

— Если что — мы рядом, — сказала Оля.

— Работу можешь сбавить, — предложил Андрей. — Ни-

кто слова не скажет.

Мария поблагодарила. По очереди. Спокойно. Так, как принято благодарить за заботу, которая не предполагает продолжения. Оля и Андрей были коллегами, с которыми Мария общалась ближе, чем с остальными, но вот друзьями их было сложно назвать.

Она ловила интонации. Кто говорил из вежливости. Кто — из привычки помогать. Кто — потому что так делают нормальные люди в таких ситуациях.

Никто не спросил, что именно тяжело. И она не стала уточнять.

Это не было упущением. Скорее — молчаливым соглашением. Про то, что детали здесь не нужны.

Они вышли вместе, плотной группой, обсуждая, в какую сторону идти.

Сегодня — тоже.

В кофейне было тепло и тесно. Столы стояли слишком близко друг к другу, как в местах, где предполагается короткое пребывание и длинные разговоры. Запах кофе перебивал всё — улицу, усталость, чужие духи.

Бариста улыбался одинаково всем. Он принимал заказы быстро, не глядя в глаза дольше положенного. У него была своя нормальная жизнь: смена, очередь, сдача, следующий стакан. В ней не было похорон и «держись».

Мария заказала американо. Без сахара. Это решение показалось ей необоснованно важным.

Кто-то рядом взял латте с сиропом. Кто-то — двойной эспрессо «чтобы выжить». Формулировки были знакомые. Усталость здесь лечили кофеином и разговорами. Иногда — одновременно.

Она слушала вполуха. Обрывки фраз, смешки, жалобы на клиентов и погоду. Всё это создавалось не для того, чтобы быть услышанным, а чтобы заполнить пространство.

Мария подумала, что кофе — универсальный ответ. Им прикрывают паузы, заливают недосказанность, поддерживают иллюзию бодрствования. В их профессии особенно. Если бы кофе лечил травмы, очередей к психологам было бы меньше.

Она сделала первый глоток. Напиток был горячий, ровный, без сюрпризов. Такой, каким и должен быть.

В этом было что-то успокаивающее. Не утешающее — просто привычное.

— Я всё-таки возьму отпуск в июле, — сказала Оля, размешивая сахар. — Если не возьму сейчас, потом уже не выведу.

— В июле ад, — отозвался Андрей. — Все приходят с одними и теми же запросами. Одиночество, тревога, «я не знаю, чего хочу». Как будто календарь у них общий.

— У них и правда общий, — хмыкнула Оля. — Весной разводятся, осенью лечатся, летом выгорают.

Смеются. Негромко. Так, чтобы не привлекать внимания соседних столиков.

— Я вообще думаю паузу взять, — сказал Андрей. — Годик. Без клиентов. Без этого... — он сделал неопределённый жест рукой. — Постоянного присутствия в чужой жизни.

— А что делать будешь? — спросила Оля без особого интереса.

— Не знаю. Хоть продавцом. Там, по крайней мере, никто не плачет.

— Плачут, — возразила Оля. — Просто по другим поводам.

Мария слушала, держа чашку обеими руками. Кофе уже остыл, но она всё равно делала вид, что пьёт. Слова текли мимо, но интонации цеплялись. Усталость у всех была разная: у кого-то раздражённая, у кого-то ироничная, у кого-то почти гордая.

— Клиенты стали сложнее, — сказала Оля. — Раньше хоть слушали. Сейчас все всё знают.

— Интернет, — кивнул Андрей. — Самодиагностика. Приходят уже с выводами.

— И с обвинениями, — добавила Оля. — Если не стало легче за три сессии.

Андрей фыркнул. Оля пожала плечами.

Мария отметила, как разговор аккуратно обходит её. Не специально — просто по инерции. Её имя не звучало в этих репликах, но и не выпадало. Она была здесь, но как будто вне темы.

О муже не говорили. Не потому, что забыли. Скорее по-

тому, что всё необходимое уже было сказано раньше. Трагедия была учтена, отмечена, закрыта.

— Ладно, — сказал Андрей, допивая. — Завтра снова в бой.

— В бой, — повторила Оля.

Мария кивнула вместе с ними. Интонации она запомнила. Слова — не обязательно.

Они уже собирались расходиться, когда Андрей вдруг замедлился рядом с ней. Остановился так, будто вспомнил что-то в последний момент.

— Маша... — он кашлянул, подбирая интонацию. — Слушай. Я... ну, в общем... соболезную. Правда.

Фраза прозвучала аккуратно. Без лишних слов. Без продолжения. Как галочка, поставленная в нужной графе.

Мария посмотрела на него и кивнула.

— Спасибо, — сказала она спокойно. — Я ценю.

Интонация была ровной, почти рабочей. Такой, какой она обычно отвечала клиентам на сложные признания. Андрей, кажется, это уловил и сразу же сделал шаг в сторону.

— Если что — ты знаешь мой номер, — добавил он и тут же посмотрел на телефон. — Ладно, мне пора бежать.

— Конечно, — сказала Мария.

Он ушёл быстро вместе с Олей, с заметным облегчением. Разговор был закрыт. Тема — тоже.

Мария осталась стоять у выхода, держа в руках уже пустой стакан. Она подумала, что её горе здесь существует в виде

коротких, осторожных фраз. Их произносят, чтобы больше к ним не возвращаться.

Это устраивало всех.

Когда все разошлись, в кофейне стало тише. Не пусто — просто свободнее. Столы вокруг освободились быстро, будто разговоры здесь были временными по умолчанию.

Мария осталась. Не потому что некуда было идти. Скорее потому, что выходить сейчас не хотелось.

Она снова посмотрела на пустой стакан. Потом — на стойку.

— Ещё американо, — сказала она. — Самый крепкий.

Бариста кивнул, не задавая вопросов. Для него это была обычная просьба. Он не видел в ней ничего лишнего — ни времени, ни контекста.

Мария села обратно, положив ладони на стол. Сердце билось ровно. Голова была ясной. Слишком ясной.

Когда кофе принесли, она сделала глоток почти сразу. Потом ещё один. Вкус был резче, чем в первый раз. Горечь задержалась на языке дольше, чем нужно.

Она поймала себя на мысли, что ждёт эффекта. Какого угодно. Тепла, ускорения, хотя бы лёгкого шума в голове.

Ничего не происходило.

Не берёт, — отметила она без раздражения. Почти с интересом.

Мария допила кофе медленно, до дна. Встала, убрала за собой чашку и вышла на улицу.

Шаги были уверенными. Темп — привычным.

Просто один способ заглушить оказался слабее, чем ожидалось.

Темнота опускалась незаметно, как всегда в будни. Город не делал из этого события: витрины загорались ровно, светофоры работали по расписанию, люди выходили из офисов с одинаковыми лицами.

Мария шла медленно. Куртка была застёгнута правильно, сумка висела удобно, телефон молчал. Всё выглядело так, как должно выглядеть.

Рядом кто-то смеялся, кто-то спорил о ерунде, кто-то звонил домой и спрашивал, что купить к ужину. Чужие разговоры текли мимо, не задевая, но удерживая — как шум, в котором проще идти, чем в тишине.

На переходе она остановилась вместе со всеми. Зелёный загорелся — и толпа двинулась, не оглядываясь. Мария шагнула следом, почти автоматически.

Когда люди разошлись, улица вдруг стала шире. Тише. Ничего не изменилось — просто исчезла плотность.

Она поймала себя на том, что с коллегами было легче. Не потому что они помогли. А потому что рядом с ними не нужно было ничего чувствовать всерьёз.

Это ощущение держалось недолго.

Мария дошла до угла и остановилась, не имея причины. В теле не было тяжести — только ровная, аккуратная усталость. Такая, какую не спишешь ни на рабочий день, ни на

траур.

Она постояла ещё немного, словно проверяя, можно ли просто стоять.

Потом пошла дальше — так же спокойно, так же правильно, как человек, у которого всё в порядке.

Глава 4

Телефон лежит экраном вверх, как будто так честнее. Он гаснет. Загорается. Снова гаснет.

Мария ставит чайник, хотя не уверена, что будет пить. Наливает воду точно по отметке. Закрывает крышку. Щёлкает. Слишком громко для этой квартиры.

Окно приоткрыто. С улицы тянет холодом и чем-то чужим — выхлопами, мокрым асфальтом, чьей-то жизнью. Она прикрывает створку, оставляя щель.

На экране — пропущенный. Имя она не перечитывает. Знает и так. Телефон вибрирует ещё раз и замирает. Как будто даёт время.

Мария садится за стол. Выпрямляет спину. Проверяет, ровно ли стоят плечи. Следит за дыханием: вдох — короче, выдох — длиннее. Рабочая схема. Помогает почти всегда.

В голове прокручиваются возможные первые фразы. Не слова — интонации. Где сделать паузу. Где не ускориться. Где не начать утешать раньше времени.

Она ловит себя на этом и слегка сжимает челюсти. Не сейчас. Сначала — контакт.

Экран снова загорается. Теперь уже без отсрочек.

Мария берёт телефон. Не сразу. Даёт ещё секунду — чтобы голос был спокойным, не тёплым и не холодным. Нормальным.

Она нажимает «принять» и говорит:

— Да.

Голос звучит ровно. Чище, чем она ожидала. Роль села точно.

— Маш... ты взяла?

Голос на том конце сразу, без «привет». Чуть выше обычного. Сорвался на согласной и не извинился за это.

Мария смотрит на край стола. Там, где лак давно потёрся и проступает дерево.

— Да, — говорит она. — Я здесь.

Пауза. Слишком короткая, чтобы быть собранной, и слишком длинная, чтобы быть случайной.

— Я... я не знала, когда лучше звонить. Всё время казалось — не вовремя. Потом подумала, что это глупо. В общем...

Подруга выдыхает в трубку. Шумно. Как будто бежала.

— Ты не помешала, Ира, — говорит Мария. Спокойно. Чуть мягче, чем «да». — Всё нормально.

— Ненормально, — сразу. Почти резко. Потом тише: — Прости. Я просто... Маш, я правда переживаю. Ты как?

Вопрос повисает. Честный. Без подстраховки.

Мария не отвечает сразу. Не потому что ищет слова — потому что выбирает темп.

— Я справляюсь, — говорит она. — Не переживай так.

— Я не «так». Я вообще, — подруга усмехается и тут же глохнет. — Слушай, если ты хочешь, я могу приехать. Хоть

на пару дней. Просто быть рядом. Не разговаривать, если не надо.

Мария закрывает глаза на секунду. Не дольше.

— Не нужно, — мягко ответила она. Почти благодарно.
— Правда. У меня сейчас работа, приёмы... Мне проще в рутине.

— Ты всегда так говоришь, — осторожно. Не упрёк. Факт.
— «Проще в рутине».

— Потому что это правда, — отвечает Мария сразу. Слишком быстро. — Я не одна. Меня поддерживают. Всё под контролем.

Снова пауза. На этот раз тяжёлая.

— Ты звучишь... как будто меня успокаиваешь, — тихо говорит Ира.

Мария чуть улыбается. Улыбка в голос не проходит.

— Это профессиональная деформация, — говорит она.
— Прости.

— Маш...

— Правда, — перебивает Мария. Не резко. Точно. — Мне важно, что ты позвонила. Мне этого достаточно.

На том конце кто-то втягивает воздух, словно собираясь сказать ещё что-то. Не говорит.

— Хорошо... Я просто... если что — я рядом. В любое время. Даже если ты не возьмёшь.

— Я знаю, — отвечает Мария. — Спасибо.

Она слышит, как подруга кивает, хотя это невозможно

услышать.

— Я, кстати, сегодня вспоминала, как Эдик тогда перепутал соль с сахаром, — говорит подруга вдруг. — Помнишь? Ты ещё сказала, что это «метафора брака», и мы ржали, как идиотки.

Смеётся. Негромко. Смех ломается на втором выдохе, но она его дотягивает. Как будто принципиально.

Мария смотрит в окно. На стекле — отражение лампы и её собственное лицо, расплывчатое, как в воде.

— Помню, — говорит она. — Ты тогда опоздала на поезд.

— Да. И он нёсся по платформе с этим дурацким пакетом. Весь такой серьёзный. Пауза. — Он ведь правда старался, Маш. По-своему.

Мария кивает, хотя подруга не видит.

— Да, — говорит она. Ровно. Без уточнений.

— Слушай... — подруга замолкает, явно выбирая слова. — Я сейчас скажу, наверное, глупость. Но мне всё время кажется, что если бы ты тогда... ну...

Она обрывает фразу на полуслове.

— Прости. Это не моё дело.

Мария чувствует, как автоматически выпрямляется спина. Плечи уходят назад.

— Ты ничего плохого не сказала, — отвечает она мягко. — В такие моменты все ищут «если бы».

— Да? — неуверенно. — Потому что у меня ощущение, что я лезу не туда.

— Это нормально, — говорит Мария. — Ты пытаешься найти опору. Логику. Мозгу так проще.

На том конце снова тишина. Чуть дольше, чем раньше.

— Слушай, — подруга вздыхает. — Ты сейчас со мной опять как с клиентом разговариваешь?

Мария моргает. Один раз.

— Прости, — говорит она. — Привычка.

— Я не против. Просто... я не знаю, как с тобой быть иначе. Ты всё время такая... собранная.

Она замолкает, потом добавляет тише:

— Мне от этого иногда страшно.

Мария сжимает телефон чуть сильнее, чем нужно.

— Тебе не за меня страшно, — говорит она. — Тебе страшно от самой ситуации.

— Возможно, — соглашается подруга. — Но ты могла бы хотя бы сказать, что тебе плохо. Не профессионально. Просто... по-человечески.

Мария открывает рот, чтобы ответить, и закрывает.

— Я справляюсь, — наконец произносит она медленно. — Правда.

— Ты уже это говорила.

— Потому что это всё ещё правда.

Подруга тихо фыркает.

— Знаешь, ты сейчас звучишь как листовка из поликлиники. «Состояние стабилизировано».

Мария почти улыбается.

— Я всегда была занудой.

— Нет. Ты всегда была той, кто держит. Всех.

Пауза.

— Просто иногда хочется, чтобы кто-то подержал тебя. Даже если криво. Даже если скажет лишнее.

Мария чувствует, как напрягается челюсть. Она ловит этот момент сразу. Фиксирует.

— Я ценю твою заботу, — говорит она. — Правда.

— Вот опять, — вздыхает подруга. — «Ценю заботу». Ты не могла бы просто сказать «мне хуёво»?

Мария смотрит на свои руки. На ногти. Аккуратно подстриженные.

— Мне сейчас... сложно, — говорит она после паузы. Это компромисс. — Но я держусь.

— Ладно, — Иране давит. — Я больше не буду... Но я всё равно приеду, если ты передумаешь. Даже без разрешения.

— Я знаю, — отвечает Мария.

Разговор постепенно расслаивается. Слова становятся реже, осторожнее. Подруга ещё что-то говорит — про погоду, про работу, про какую-то ерунду. Мария отвечает. Вовремя. Правильно.

Телефон тёплый в ладони. Она делает вдох. Медленный. Отмечает, как воздух проходит по горлу, цепляется где-то внутри и выходит слишком аккуратно.

— Если что-то изменится, — осторожно продолжает Ира, — ты скажи. Не потом. Не когда уже совсем...

— Скажу, — перебивает Мария мягко. Слишком быстро, но всё ещё в рамках вежливости. — Правда.

— Хорошо, — подруга сдаётся. — Тогда просто... будь на связи.

— Конечно.

Они прощаются без тяжёлых слов. Без обещаний, которые невозможно выполнить. Мария нажимает «завершить». Телефон снова становится просто предметом. Комната — просто комнатой. Она стоит несколько секунд, не двигаясь. Потом ставит чашку в раковину. Ровно. Без звука.

В квартире становится тише, чем было до звонка. Не потому что исчез голос — он ещё держится в воздухе, как остаточное тепло. Как след на коже, который уже нельзя назвать прикосновением.

Мария стоит у окна. Не сразу двигается. Дыхание ровное. Она отмечает это автоматически. Сердце без сбоя. Плечи не подняты.

Стало легче. И сразу — тяжелее.

Легче, потому что всё осталось на своих местах. Тяжелее — потому что на мгновение могло сдвинуться. Она понимает это слишком ясно. Не как чувство — как факт.

Если бы подруга приехала, пришлось бы объяснять паузы. Молчание. Взгляд. Пришлось бы не знать, куда девать руки.

Мария отходит от окна, берёт телефон, кладёт его экраном вниз. Как будто этого достаточно, чтобы закрыть тему. Она не чувствует облегчения. Она чувствует, что избежала.

Не разговора. Присутствия.

Это ощущение ей знакомо. Оно всегда приходит вместе с контролем. И всегда выглядит разумным.

Она почти убеждает себя. Формулировки звучат убедительно. Их можно было бы сказать вслух — они не рассыпались бы. В них нет лжи. Только аккуратно вырезанные куски.

Она не думает о том, что помощь — это всегда нарушение границ. Чужое присутствие. Чужой ритм. Чужие паузы. Она не думает — потому что не позволяет себе эту мысль закончить.

Она остаётся одна. Квартира не пустая — просто замкнутая. Как система, которая работает в автономном режиме.

Глава 5

В кабинете щёлкает выключатель.

Свет загорается не сразу — с паузой, как будто думает. Мария отмечает это автоматически. Старый диммер. Надо заменить. Она уже думала об этом. Дважды.

Клиентка напротив говорит что-то про усталость. Про то, что «вроде бы всё нормально, но внутри — как пусто». Фраза знакомая, ходовая. Мария кивает в нужном месте, не перебивая. Руки лежат на подлокотниках. Спина прямая.

— Я просто привыкла, — говорит женщина. — Наверное, это и есть взрослая жизнь.

Мария ловит слово. Привыкла. Не фраза даже — интонация. Слишком спокойная. Без запроса. Как констатация факта, с которым не спорят. Она делает пометку в блокноте. Не глядя. Почерк ровный. Чуть мельче обычного.

В этот момент кто-то хлопает дверью в коридоре. Резко, с эхом. Звук проходит по кабинету, задевает стекло в раме. Мария вздрагивает едва заметно — не телом, вниманием. Глаза на долю секунды теряют фокус.

Кофейня. День. Не уютная — просто светлая. Пластиковые стулья. Столик у окна, шаткий, подложена салфетка под ножку. Запах пережжённого кофе и чего-то сладкого, липкого.

Он сидит напротив. Куртка не снята. Говорит спокойно, без спешки. Слова простые, почти без прилагательных.

— Я не люблю усложнять, — говорит он.

Она тогда кивнула. Точно так же. С тем же движением головы.

— Мария Сергеевна?

Она возвращается. Клиентка смотрит внимательно, но без тревоги. Просто проверяет связь.

— Да, — говорит Мария. Голос ровный. — Вы сказали, что привыкли.

Женщина улыбается — извиняюще. Как будто это её вина. Мария отмечает: пульс ровный. Дыхание спокойное. Никаких соматических реакций. Значит, ничего существенно-го не произошло.

Свет в кабинете перестаёт мерцать.

Она слушает дальше. Про работу. Про выходные. Про то, что «не до себя». Слова складываются в предсказуемый узор. Мария знает его. Может дорисовать остальное без участия собеседницы.

Где-то в фоне остаётся то воспоминание. Оно не разворачивается. Не требует внимания. Просто фиксируется, как отметка на шкале.

После сессии она закрывает дверь, проверяет замок — один раз, без лишних движений. Садится за стол. Смотрит на блокнот.

Слово «привыкла» обведено. Она не помнит, когда это сделала.

Мария откладывает ручку. Смотрит в окно. Там тот же серый свет, что и в кофейне тогда. Ничего особенного. Обычный день.

Она не думает о прошлом. Не вспоминает. Просто отмечает совпадение. Память работает как положено. Реагирует на стимул. Она делает вывод и закрывает блокнот.

Они встретились днём. Не специально.

Очередь в маленьком сервисном центре — что-то с документами, что-то техническое, она потом не вспомнит. Пластиковые стулья, скрипящий пол, запах пыли и дешёвого освежителя.

Он сидел через одного. Куртка застёгнута. Руки на коленях. Ногти коротко подстрижены. На ботинках — следы старой грязи, уже высохшей.

Мария заметила это автоматически. Отметила — и тут же перестала думать.

Когда очередь сдвинулась, он встал одновременно с ней. Не торопился. Не лез вперёд. Просто оказался рядом.

— Вы тоже по этому вопросу? — спросил он.

Голос обычный. Без нажима. Без интонаций, которые хочется разбирать.

Она кивнула.

— Тут долго, — сказал он. Не как жалобу. Как факт.

Мария снова кивнула. Её плечи были опущены. Челюсть не сжата. Она отметила это позже — как отсутствие напряжения.

Они сели рядом. Стул под ним скрипнул громче, чем под ней. Он извинился, хотя это было не нужно. Мария сказала «ничего».

Разговор шёл короткими фразами. Работа. Район. Погода. Он не задавал личных вопросов. Не шутил. Не пытался понравиться.

Когда назвали её имя и фамилию, он поднял взгляд и сказал:

— Вас.

Не «давайте», не «проходите». Просто констатация.

Мария встала. Колено слегка щёлкнуло — старая привычка, ничего серьёзного. Она подумала, что надо бы снова начать растяжку.

Когда вышла, он всё ещё сидел там же. Потом — уже на улице — оказался рядом снова. Совпадение маршрута. Они шли несколько минут молча.

— Кофе тут нормальный, — сказал он, указывая на киоск.
— Если вы пьёте.

Мария подумала секунду. Тело не сопротивлялось.

— Можно, — сказала она.

Кофе был горячий. Чуть горчило. Бумажный стакан обжигал ладонь. Она переложила его в другую руку и почувствовала, как тепло расходится по пальцам.

Он пил медленно. Не смотрел на неё, пока говорил. Говорил про работу — оборудование, смены, одно и то же. Без жалоб. Без гордости.

— Зато стабильно, — сказал он. И пожал плечами.

Мария отметила: плечи у него тяжёлые. Движения экономные. Он не занимает лишнего пространства.

Она слушала и чувствовала, как внутри — ровно. Ни подъёма. Ни отторжения. Пульс спокойный. Дыхание ровное.

Когда они допили кофе, он спросил:

— Можно я вам напишу?

Не добавил «если не против». Но и не смотрел в ожидании ответа. Мария сказала «да» почти сразу. Это было просто. Логично. Без внутреннего обсуждения.

Они обменялись номерами. Экран телефона на секунду отразил его лицо — обычное, немного усталое. Ничего, за что можно зацепиться.

— Тогда... — сказал он и кивнул. — Хорошего дня.

— Вам тоже, — ответила она.

Он ушёл первым. Не обернулся. Мария постояла ещё пару секунд. Потом пошла в другую сторону. Тело двигалось привычно. Шаг — ровный, не ускоренный.

Она подумала, что день складывается нормально. Без сюрпризов. И это показалось ей хорошим признаком.

Она вспоминает не его лицо. Сначала — голос.

Он говорил резко. Иногда — обрывал фразу, если считал

её лишней. В такие моменты у неё на секунду сжимались плечи, потом отпускало. Она объясняла это привычкой говорить по делу. Без обёртки. Честно.

Он мог быть грубоват. Слова — прямые, без смягчающих частиц. Локоть на столе, пальцы сжатые, ноготь большого пальца срезан слишком коротко. Когда он раздражался, дыхание становилось глубже, тяжелее, но голос оставался ровным. Это казалось важным. Значит, себя контролирует.

Она ловила телом: рядом с ним не нужно угадывать настроение. Если недоволен — видно сразу. Если молчит — значит, думает, а не наказывает тишиной. Это успокаивало.

Он курил. Выходил на балкон, возвращался с запахом табака и холодного воздуха. Иногда пил — пиво после смены, без ритуалов. стакан ставил аккуратно, не проливая. Руки у него были тёплые, сухие. Когда случайно касался её запястья, кожа реагировала быстро, без внутреннего отскока.

Она фиксировала привычки, как фиксируют симптомы, которые не требуют вмешательства. Ничего выходящего за рамки. Ничего, что нельзя объяснить усталостью, характером, работой.

Он не извинялся часто. Считал, что если не хотел плохого — значит, и объяснять нечего. Мария принимала это. Внутри появлялось лёгкое напряжение в груди, но она списывала его на собственную чувствительность. Профессиональную деформацию.

Она уже тогда думала словами из работы. Про прямоли-

нейность. Про низкую рефлексию. Про простую структуру личности. Всё укладывалось. Всё имело название. Всё было на своих местах.

Когда он говорил: «Я такой», у неё не холодели ладони. Наоборот — тело воспринимало это как константу. С такими проще. Их не нужно разгадывать.

Она не искала тревогу. Она искала устойчивость. И находила её в том, что ничего не требовало немедленного чувства.

Это выглядело нормально. И именно поэтому не вызывало вопросов.

В тот период тело жило на автомате. Утром — тяжесть в веках, как после недосыпа, даже если спала восемь часов. Кофе проходил по горлу без вкуса, желудок сжимался привычно, без протеста. Спина ныла к вечеру ровно, как по расписанию. Она замечала это мельком, между приёмами.

Работы было много. Кабинет, закрытая дверь, чужие голоса. Она сидела прямо, ставила стопы на пол, чтобы не терять опору. К концу дня пальцы слегка подрагивали, когда заполняла записи. Не от тревоги — от усталости. Так она это понимала.

Эмоции требовали усилий. Любая попытка почувствовать что-то лишнее отзывалась напряжением в шее и тупой болью в висках. Проще было держать всё ровно. Дышать неглубоко. Есть без аппетита. Не прислушиваться.

Стабильность ощущалась телом как отсутствие лишних

сигналов. Рядом с ним не приходилось подстраиваться. Он не тянул на себя внимание, не требовал реакции. Пространство вокруг оставалось предсказуемым: шаги, голос, время.

Она приходила домой и чувствовала, как плечи опускаются. Не от радости — от того, что можно не собираться. В комнате было тихо, воздух стоял неподвижно. Это устраивало.

Он не мешал. Иногда этого действительно достаточно.

Встречу она не планировала заранее. Просто кивнула, когда он предложил. Головой — чуть раньше, чем успела подумать. В горле в тот момент было сухо, как после долгого разговора, хотя говорили недолго.

В тот вечер она шла быстрее обычного, чтобы успеть на трамвай. Ступни гудели, в пальцах рук оставалось слабое покалывание от холода. Телефон лежал в кармане, экран тёмный. Она знала, что можно не писать сразу. Это не требовало реакции.

Дома она сняла обувь, не включая свет. Нога нащупала край ковра, знакомый перепад. Тело расслабилось на секунду, как от правильно выполненного движения. Мысль о встрече не разворачивалась, не цеплялась. Просто была отмечена, как дата в расписании.

На следующий день она ответила коротко. Без смайлов. Без уточнений. В груди ничего не сжалось, пульс не изменился. Плечи остались на месте, дыхание ровным.

Она согласилась. Не потому что хотелось. И не потому что

было страшно отказаться. Так было проще.

Мысль обрывается так же, как началась. Без перехода. Мария моргает и понимает, что смотрит на собственные руки. Они лежат на столе, ладонями вниз. Кожа тёплая, ногти подстрижены слишком коротко — привычка, оставшаяся с учёбы. Чашка рядом остыла. По краю — сухой след от губ.

В комнате ничего не изменилось. Тот же свет, тот же звук холодильника за стеной. Тело здесь. Spина касается спинки стула, поясница чуть ноет — значит, сидит давно. Она делает вдох, чуть глубже обычного. Выдох выходит ровным.

В том фрагменте не было напряжения. Плечи не поднимались. Живот не сжимался. Никакого внутреннего шага назад. Всё происходило без сопротивления, как движение по знакомому маршруту, где не нужно смотреть под ноги.

Она отмечает это спокойно, почти машинально. Тогда ничего не болело.

Глава 6

Запись в расписании была аккуратной, без пометок. Илья Андреевич. В скобках — НКО (некоммерческая организация), кризисные группы. Мария на секунду задержала взгляд, как на знакомом слове, от которого устаёшь ещё до того, как произнесёшь. Пальцы сами сжались, ногти упёрлись в подушечки. Она разжала ладонь, положила её на стол. Стол был холодный — это успокаивало. Внутри поднялось ровное, глухое сопротивление, без раздражения, скорее как мышечная память.

Ещё один помогающий.

Она проверила время, выровняла стопку бумаг, убрала чашку чуть левее. Дыхание стало счётным: четыре — пауза — четыре. В этом было больше привычки, чем необходимости. Такие клиенты приходят не с запросом, а с образом. Они долго рассказывают, как держатся, как справляются, как «надо». Потом удивляются, когда их не хвалят. Мария отметила сухость во рту и не стала пить. Пусть будет.

Она не думала о нём — только о типе. О том, как с ними трудно: они редко злятся, почти не просят, плохо слышат отказ. С ними всегда приходится быть чуть жёстче, чем хочется, и всё равно это выглядит жестокостью. Мария села ровнее, спина отозвалась тянущей болью. Ничего личного. Просто работа. Она нажала кнопку вызова и поймала себя

на том, что уже готова защищаться — не от него, а от той части себя, которая понимает таких слишком хорошо.

Он вошёл почти бесшумно, словно боялся нарушить уже и так чью-то усталость. Дверь прикрыл аккуратно, без щелчка, и на секунду замер, ожидая разрешения занять пространство. Мария отметила это автоматически. Неуверенность не в движениях — в праве находиться здесь.

— Здравствуйте, — сказал он негромко, с той вежливой нейтральностью, которая обычно вырабатывается годами работы с чужой болью. — Спасибо, что приняли.

Он сел не сразу, сначала дождался кивка. На краешек кресла, спина чуть вперёд, плечи сведены. Ноги поставил ровно, руки сложил — пальцы переплетены, но без напряжения, скорее привычка. Человек, который привык быть собранным и незаметным одновременно.

Мария смотрела не на лицо, а на паузы. На то, как он оставляет место для ответа, даже когда его не просят. Как взгляд задерживается на ней чуть дольше нормы, не из интереса — из проверки: удобно ли, не давит ли. Глаза спокойные, внимательные, без запроса на одобрение, но с готовностью его принять.

— Если что-то нужно уточнить... вы скажите, — добавил он и тут же замолчал, словно это могло быть лишним.

Она кивнула, не улыбаясь. Внутри не было ни симпатии, ни раздражения — только знакомая плотность. Такие клиенты всегда начинают одинаково: тихо, корректно, с извиняю-

щимся присутствием. Они занимают меньше места, чем могли бы, и этим как будто рассчитываются за своё право быть услышанными.

Мария отметила это и поставила мысленную галочку. Не диагноз — ориентир. Он уже старается быть удобным. Даже здесь. Даже сейчас.

Он начал не сразу. Сделал паузу — не потому что не знал, что сказать, а будто проверял, сколько можно занять времени.

— Я, наверное, с усталостью, — сказал он наконец. — Не в классическом смысле. Я работаю... ну, вы видели в анкете. Последние пару лет нагрузка выросла. Кризисные случаи, женщины после насилия, утраты. Иногда кажется, что я просто не успеваю восстанавливаться между историями.

Он говорил ровно, без жалобы. Слова были выстроены аккуратно, как отчёт: причины, следствия, динамика. Мария отметила, как он избегает местоимения «я», заменяя его описанием процессов. Усталость как внешний фактор. Работа как стихия.

— Я не могу их бросить, — продолжил он, чуть тише. — Там часто никого больше нет. Кто-то должен быть стабильным. Прийти, объяснить, отвезти, договориться. Иногда просто посидеть. Я понимаю, что это не терапия, но... — он запнулся, — иногда этого достаточно, чтобы человек не сорвался.

Он снова сделал паузу, будто ожидая подтверждения. Ма-

рия не дала его. Он кивнул сам себе и пошёл дальше.

— Женщины... — слово прозвучало обобщённо, без конкретных лиц. — Они часто держатся именно за присутствие. Не за решения, а за то, что ты рядом. И я... я обычно рядом. Даже когда понимаю, что выгораю.

Он пожал плечами. Жест был почти извиняющимся.

— В какой-то момент я заметил, что у меня нет сил на личное. Не то чтобы мне плохо, просто... — он искал слово, — всё уходит туда. А когда остаюсь один, ощущение пустоты. Как будто выключили свет.

Мария слушала и фиксировала, как он ни разу не сказал, что хочет для себя. Ни разу не упомянул границу. Все его глаголы были направлены наружу: быть, помочь, удержать, не дать. Даже пустота у него возникала не от отсутствия жизни, а от отсутствия адресата.

— То есть вы пришли, потому что слишком много помогаете, — сказала она спокойно. Не вопрос, констатация.

Он сразу кивнул. Быстро. С облегчением.

— Да. Наверное, так и есть.

Она смотрела, как он принимает эту формулировку, и чувствовала знакомое раздражение. Не на него — на точность. Он действительно верил, что проблема в объёме помощи. Не в том, зачем она ему нужна.

Мария не стала делать паузу. Не стала «отзеркаливать». Она слегка подалась вперёд, не меняя интонации.

— А если вы не будете рядом, что случится?

Вопрос был короткий. Почти технический. Без «как вы думаете» и без приглашения порассуждать.

Илья моргнул. Улыбнулся — быстро, неловко, как будто его поймали на чём-то мелком.

— Ну... — он выдохнул, — по-разному. Иногда ничего. Иногда... — он повёл плечом, — кому-то будет тяжелее.

— Кому именно? — уточнила Мария.

Он снова улыбнулся. Уже с напряжением.

— Женщинам. Клиенткам. Тем, с кем я сейчас работаю.

— Не вам, — сказала она.

Это тоже не было вопросом.

Он замолчал. Посмотрел в сторону окна, потом обратно, будто ища там подсказку. Несколько секунд тянулись дольше, чем обычно в разговоре. Он рассмеялся — тихо, без веселья.

— Я понимаю, как это звучит, — сказал он. — Наверное, да, я не очень... думаю о себе в этот момент.

— Вы вообще о себе не думаете, — сказала Мария. Ровно. — Вы описываете мир, в котором ваше отсутствие — проблема, а ваше присутствие — решение. Это удобная позиция.

Он перестал улыбаться. Руки, до этого лежавшие спокойно на коленях, сцепились. Большие пальцы начали медленно тереть друг друга.

— Я просто привык так работать, — сказал он после паузы. — Если честно, мне сложно по-другому. Когда я не ну-

жен, я... — он замялся, — теряюсь. Как будто не понимаю, зачем я вообще.

Фраза вырвалась быстрее, чем он собирался её сказать. Он сразу это понял и попытался смягчить:

— Это не жалоба. Просто наблюдение.

Мария отметила, как он тут же вернул себе аккуратность. Как будто извинился за лишнее.

— Вы пришли не с усталостью, — сказала она. — Вы пришли с пустотой, которую заполняете чужими кризисами.

Она говорила спокойно. Без нажима. И именно поэтому слова резали.

Он смотрел на неё внимательно, почти благодарно — как смотрят люди, которых наконец назвали по имени. И в этом взгляде было то, что она знала слишком хорошо: готовность согласиться. Быть понятным. Исправиться.

Мария почувствовала знакомое напряжение в челюсти. Она сказала вслух то, что обычно оставляла внутри.

— И я не собираюсь поддерживать ваш образ «хорошего». Мы можем говорить либо о вас, либо о том, как вы продолжаете быть удобным для всех. Одновременно не получится.

Он кивнул не сразу. Сначала вдохнул. Потом медленно выдохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давайте обо мне.

Слова были правильные. Но прозвучали так, будто он снова делал это для кого-то другого.

Илья говорил спокойно, почти буднично, как будто пере-

числял рабочие задачи.

— Есть одна женщина, — начал он, не поднимая глаз. — Тридцать два. Двое детей. Муж... сложный. Она каждый раз говорит, что справится сама, но я понимаю, что нет.

Он сделал паузу, короткую, функциональную, и пошёл дальше, не дожидаясь реакции.

— Другая — после утраты. Формально уже «в ресурсе», но если не быть рядом, она снова провалится. Я не мог не остаться с ней ещё на пару месяцев. Ну и... — он слегка пожал плечами, — кто, если не я?

Мария не перебивала. Не кивала. Не делала пометок. Она позволила тишине задержаться дольше, чем обычно. Илья это заметил — замедлился, но не остановился.

— Я не считаю, что делаю что-то особенное, — добавил он. — Просто... если видишь, что человеку плохо, и можешь помочь, странно проходить мимо. Это же нормально.

Он наконец посмотрел на неё, будто ожидая подтверждения. Взгляд был открытый, почти доверчивый. Мария молчала. Слишком долго для «поддерживающей паузы». Слишком точно, чтобы это было случайно. Она отметила, как он начал заполнять тишину телом: сменил позу, расцепил и сцепил пальцы, чуть наклонился вперёд. Готовность. Всегда готовность.

— Вы ни разу не сказали, — произнесла она наконец, — что они вас об этом просили.

Илья моргнул.

— Ну... — он задумался, — не всегда напрямую. Но это же чувствуется. Иногда человек не может сформулировать запрос.

— Зато вы можете, — сказала Мария.

Это не было упрёком. Просто фиксацией. Он снова улыбнулся — той же аккуратной улыбкой, которой закрывал неловкость.

— Я привык брать на себя ответственность.

— За них, — уточнила она.

Он кивнул.

— И никогда — за себя, — добавила Мария.

Он замолчал. На этот раз по-настоящему. В комнате стало слышно, как тикают часы. Как за стеной кто-то тихо прошёл по коридору.

— Я не вижу здесь проблемы, — сказал он после паузы.

— Если честно. Мне кажется, хуже было бы, если бы я от-вернулся.

Мария смотрела на него без выражения. Внутри — усталость, плотная, вязкая. Та самая, от одинаковых историй, рассказанных разными голосами.

— Вы не отворачиваетесь, — сказала она. — Вы присваиваете.

Он нахмурился.

— В каком смысле?

— В смысле «надо», «не мог не», «кто, если не я». — Она говорила ровно, почти сухо. — В этой формуле нет другого

человека. Есть только вы и ваша необходимость быть нужным.

Он открыл рот, закрыл. Потом выдохнул.

— Я просто помогаю женщинам, которым тяжело.

Мария почувствовала, как сжимаются челюсти. Она не смягчила интонацию.

— Вы выбираете женщин, которым тяжело, чтобы не разбираться, что происходит с вами.

Он смотрел на неё долго. В этом взгляде не было злости. Только растерянность — и что-то ещё, едва заметное. Как если бы его аккуратно, но точно лишили опоры.

Мария отвела взгляд первой. Не из сочувствия. Из усталости.

Он всё ещё не слышал границ. Ни их. Ни своих.

Мария не стала возвращать разговор в безопасное русло. Не предложила паузу. Не уточнила формулировку. Она почувствовала знакомое — это плотное, тянущее раздражение, когда клиент не слышит, но продолжает быть «хорошим».

— Вы не помогаете, — сказала она. — Вы закрепляете.

Он вздрогнул, почти незаметно. Плечи поднялись и сразу опустились, как если бы тело решило не сопротивляться.

— Я... не совсем понимаю, — осторожно ответил он. — Я ведь реально там нужен.

— Вам, — уточнила Мария. — Не им. Вам нужно быть нужным.

Это прозвучало резко. Без подготовки. Без обёртки.

Илья замолчал. Он не откинулся назад, не закрылся. Наоборот — чуть подался вперёд, будто хотел расслышать лучше.

— То есть вы считаете, что я... использую это? — спросил он. Не с обидой. С попыткой разобраться.

Мария посмотрела на него прямо. В этот момент в ней не было интереса. Только усталость и какая-то холодная честность, которой обычно хватает на один-два приёма в день.

— Я считаю, что вы выбираете тех, кто не может уйти, — сказала она. — Потому что если они уйдут, вам придётся остаться с собой.

Он сжал пальцы. Костяшки побелели.

— Я никогда не держу людей, — сказал он тихо. — Я наоборот. Даю опору.

— Опора — это когда можно отойти, — ответила Мария. — А вы стоите так близко, что без вас падают.

Слова повисли между ними. Острые, но точные. Не диагноз. Не интерпретация. Просто фиксация.

Илья выдохнул. Долго. Как после удара, к которому не готовился.

— Это... больно слышать, — признался он. — Но я не чувствую, что вы хотите меня унижить.

Мария отметила это автоматически. Он не оборонялся. Не нападал. Не переводил разговор на неё. Он выдерживал.

— Я не хочу, — сказала она. — Мне всё равно.

Это было честно. И жестоко.

Он кивнул. Медленно. Как будто соглашался не с ней — с чем-то внутри себя.

— Если я перестану быть полезным... — начал он и замолчал.

Мария не помогла ему закончить фразу.

— Вот именно, — сказала она.

Она почувствовала, как в теле поднимается знакомое напряжение. В горле — сухо. В голове — ясность, слишком ясная для конца дня. Та, за которую обычно платят позже.

Илья сидел напротив и смотрел на неё внимательно. Не с благодарностью. Не с ожиданием. С чем-то новым — осторожным, неоформленным. Он выдержал её резкость. И это почему-то не принесло ей облегчения.

Он заговорил первым, будто продолжал мысль, которая всё это время стояла у него за спиной.

— Я правда не понимаю, — сказал Илья. — Если я могу быть полезным, если я умею это делать... зачем от этого отказываться? Это же не про меня. Это про людей, которым хуже.

Мария чуть сдвинулась в кресле. Кожа на подлокотнике была тёплой, липкой от чужих ладоней. Она убрала руку.

— Вы всё время говорите «хуже», — сказала она. — Как будто есть шкала. Как будто вы стоите выше и смотрите вниз.

— Я не выше, — быстро ответил он. — Я рядом.

— Рядом — это когда можно отойти, — повторила она, почти тем же тоном, что и раньше. — А у вас «рядом» —

это навсегда.

Он нахмурился. Не обиженно. Скорее сосредоточенно.

— Но если я уйду, — сказал он, — они останутся одни.

Я это видел. Это не теория.

Мария кивнула. Не соглашаясь — признавая факт.

— А если вы не уйдёте, — сказала она, — вы останетесь один. Но с ощущением смысла. Это выгодная сделка.

Он усмехнулся, коротко. Без юмора.

— Вы сейчас звучите цинично.

— Я устала, — ответила она. — Цинизм — побочный эффект.

Он помолчал. Провёл ладонью по колену, будто стирал что-то невидимое.

— Для меня помощь — это ответственность, — сказал он.

— Если я уже рядом, я не могу просто... выключиться.

— Вы и не выключаетесь, — сказала Мария. — Вы включены всегда. Даже здесь.

Он посмотрел на неё внимательнее. Слишком внимательно для клиента.

— А вы? — спросил он. — Вы сейчас включены?

Вопрос был не дерзкий. Почти осторожный. И всё равно — лишний.

Мария почувствовала, как внутри что-то сжалось. Не больно. Привычно.

— Это не про меня, — сказала она.

— Вот именно, — тихо ответил он.

Между ними снова повисла пауза. Ровная. Натянутая. В ней не было победы — только несовпадение. Он говорил о смысле так, будто это что-то снаружи, что можно взять на руки. Она — о границах, как о последнем, что остаётся, когда всё остальное отдано.

— Я не думаю, что вы делаете это из злого умысла, — сказала Мария. — Но вы путаете пользу и необходимость. И платите за это собой.

— А вы, — сказал он после паузы, — путаете контроль и безопасность.

Она посмотрела на него. Долго. В этот момент он был слишком точен.

— Возможно, — сказала она.

Это было максимум, на что она была готова.

Молчание возникло не как пауза по протоколу. Оно просто осталось, когда слова закончились.

Мария не стала его заполнять. Отметила дыхание — слишком ровное, будто под счёт. Спина упиралась в спинку кресла сильнее, чем нужно. Плечи подняты. Кисти лежат на подлокотниках, пальцы чуть напряжены, как перед движением, которое не будет сделано. Во рту сухо. Мысль о глотке чего-то крепкого мелькнула и исчезла.

Она ждала, что он заговорит. Почти была уверена.

Илья сидел напротив, слегка наклонившись вперёд. Не как знак интереса — скорее как привычка не откидываться. Его руки были сложены, но не сцеплены. Он смотрел не на

неё, а куда-то между — в пространство, где обычно ищут слова. Не торопился. Не оправдывался. Не предлагал продолжить.

Тишина тянулась.

Мария почувствовала, как в этой тишине становится неуютно именно ей. Обычно клиенты начинали ёрзать. Улыбаться. Говорить что-то лишнее, чтобы вернуть контроль. Этот — нет.

Она заметила, что дыхание сбилось. Сделала его глубже. Медленнее. Не для него — для себя. Илья слегка сменил позу, почти незаметно, как человек, который остаётся, а не уходит. В этом движении не было тревоги. Только присутствие.

Мария поймала себя на раздражении. И на странном уважении — тут же, почти одновременно. Он выдерживал паузу. Не как приём. Как состояние. И это было неожиданно.

Он первым нарушил тишину.

— Вы... — начал и остановился. Слегка выдохнул. — Спасибо, что не стали меня щадить.

Сказал спокойно. Без попытки понравиться. Без благодарственного жеста, который обычно идёт в комплекте. Не посмотрел на неё сразу — будто проверял, можно ли этой фразе вообще существовать.

Мария кивнула. Механически. Как отмечают факт, а не принимают признание.

— Это моя работа, — сказала она. Слишком быстро. Почти резко.

Он поднял взгляд. Короткий, внимательный. Не задержался.

— Я знаю, — ответил. — Но обычно это чувствуется иначе.

Она уловила совпадение не в словах. В темпе. В том, как он не стал разворачивать мысль дальше, не стал объяснять, что именно «иначе». Оставил как есть. Не стал требовать реакции.

Внутри что-то щёлкнуло — сухо, без эмоции. Мария это отметила. И тут же мысленно отодвинула в сторону. Эффект переноса. Контакт. Рабочий момент. Ничего личного.

— На сегодня достаточно, — сказала она. Голос ровный. Чуть холоднее, чем минуту назад. — Мы продолжим, если вы решите.

Он встал не сразу. Снова это движение — не спешить, но и не тянуть. Встал, занял своё место в пространстве, которое ему было предложено.

— Я решу, — сказал Илья. — И да... спасибо. Не как специалисту. Как человеку.

Мария не ответила. Только кивнула.

— Тогда до следующей встречи, — сказала она.

Ни благодарственных слов напоследок, ни жестов. Только короткий взгляд — не ищущий подтверждения.

— До свидания, Мария Сергеевна.

— До свидания, Илья.

Дверь закрылась тихо. Не хлопнула, не зависла, не попро-

сила внимания.

Мария осталась сидеть. Несколько секунд — дольше, чем обычно. Обычно она сразу тянулась к записям, к следующему имени, к пустоте между людьми. Сейчас — нет.

В кабинете стало иначе. Не пусто. И не заполнено. Как после чужого дыхания, которое ещё не рассеялось, но уже не принадлежит телу. Она отметила это автоматически. Изменение фона. Остаточный контакт. Ничего особенного.

И всё же выпрямила спину медленнее, чем всегда. И не сразу стерла его имя из головы.

Он не был спасён. Он не был отвергнут. Он просто вышел — и оставил после себя структуру, в которую она на секунду вписалась сама. Мария закрыла карту. Не сразу — провела пальцем по краю, как будто проверяя, на месте ли плотность бумаги.

Типичный случай. Усталость, перераспределённая в заботу. Человек, который слишком долго держал других, чтобы не смотреть на себя.

Она знала этот контур. Могла бы перечислить этапы. Даже исход — с поправкой на дисциплину.

Тело не соглашалось.

Спина тянула, будто она весь час держала на весу что-то лишнее. В шее — тупое давление, не боль, а напоминание о ней. Ладони тёплые, хотя в кабинете прохладно. Она сжала их, разжала. Ничего не изменилось. Мысль возникла коротко, без слов. Как сбой в алгоритме. Она не стала за неё

держаться.

Мария встала, отодвинула кресло, выровняла подушку — жест автоматически точный. Включила свет у окна, хотя день ещё не закончился. Пространство стало жёстче, яснее.

Она не доверяла людям, которые хотят помогать. Слишком часто за этим стояло желание быть нужным. Слишком редко — готовность отступить.

Глава 7

Автобус притормозил раньше остановки — водитель высадил кого-то между делом, и Мария машинально поднялась вместе со всеми. Потом снова села. До нужной ещё две.

За окном тянулась весна — не радостная, не цветущая, а переходная. Грязный снег лежал островками у бордюров, вода стекала по асфальту узкими ручьями. На деревьях уже были почки, но казалось, что они вот-вот передумают.

Мария смотрела на отражение в стекле и ловила себя на том, что сжимает зубы. Настолько сильно, что ныли виски. Она разжала челюсть. Потом снова сжала. В животе было холодно — не больно, не остро, а как от сквозняка в подъезде. Неприятно и будто бы неопасно. Она подтянула ворот пальто выше, хотя в салоне было тепло.

— Ничего страшного, — шепнула она себе.

Автобус тряхнуло. Женщина впереди резко повернулась, извинилась, задела Марию локтем. Мария автоматически ответила:

— Ничего, всё нормально, — слишком быстро, слишком привычно.

Они просто волнуются. Мать будет спрашивать, ела ли она. Отец — молчать и смотреть исподлобья. Всё как всегда.

Мария уставилась на табло с бегущей строкой. Буквы расплывались. Она заметила, что третий раз перечитывает одно

и то же слово и всё равно не может вспомнить, что там было написано. Внутри поднималось раздражение — глухое, без адреса. Не на родителей. Не на себя. Просто — фоном, как шум двигателя.

— Им тоже тяжело, — подумала она и тут же добавила мысленно: — У них тоже утрата.

Эта мысль всегда ставила точку.

Автобус замедлился у её остановки. Двери раскрылись с привычным выдохом. Люди потянулись к выходу, и Мария вместе с ними встала. Но ноги не двинулись. Она стояла, держась за поручень, и смотрела, как кто-то выходит, как захлопываются двери, как автобус снова трогается.

Следующая остановка была лишней.

Мария тихо выругалась, нажала кнопку и снова приготовилась выходить.

— Глупости, — сказала она себе. — Что я как ребёнок.

Когда двери открылись во второй раз, она всё-таки шагнула наружу.

Весенний воздух пах мокрой землёй и прошлогодними листьями. Где-то капала вода с крыши остановки — размеренно, почти успокаивающе. Мария постояла секунду, прежде чем пойти. Она шла не быстро и не медленно — так, как идут туда, куда нельзя опоздать, но и торопиться незачем.

В кармане завибрировал телефон. Она вздрогнула, хотя экран остался тёмным.

— Ничего страшного, — повторила она ещё раз.

И пошла дальше — к дому, в который всегда можно вернуться.

И из которого каждый раз приходится выходить заново.

Она поднимается пешком — лифт снова не работает. На третьем пролёте пахнет влажной пылью и кошачьим кормом. Дверь знакомая, тёмная, с потёртой цифрой. Замок щёлкает слишком громко.

В квартире тепло. Слишком. Воздух густой, с запахом варёной капусты, стиранного белья и старых духов — тех самых, которыми мать пользовалась ещё тогда, когда Мария ходила в школу. Ничего не меняли. Даже занавески те же, с мелким цветком. Они чуть выгорели, но рисунок узнаётся сразу.

Ковёр в прихожей лежит ровно, без складок. Потёртый угол заклеен прозрачным скотчем. Она помнит это место и всё равно смотрит под ноги. Мария снимает обувь аккуратно, ставит ботинки носками к стене. Не задумываясь. Сумку вешает на тот же крючок, второй слева — первый давно сломан. Пальцы делают это раньше, чем она успевает решить.

Вешалка скрипит знакомо. Скрип успокаивает и раздражает одновременно. На тумбочке — стопка квитанций, календарь с крупными цифрами, ручка на верёвочке. Всё выстроено. Всё правильно. В комнате тихо, только часы на кухне отбивают секунды — чуть громче, чем нужно.

Она проходит дальше и на мгновение чувствует странное:

будто стала ниже ростом. Потолок тот же, но плечи сами опускаются. Спина ищет, куда бы прислониться.

На кухонном столе — те же чашки. Белые, с голубой каёмкой. У одной трещина у ручки. Мария помнит, как её уронили много лет назад и решили не выбрасывать — «ещё послужит». Она берёт именно её. Даже не выбирая. Стул скрипит, когда она садится. Ноги не дотягиваются до перекладки — как раньше. Колени сведены, ладони автоматически ложатся на бёдра. Она замечает это только через несколько секунд и не меняет позу.

В этой квартире ничего не требует объяснений. Здесь всё уже решено за неё.

Она делает вдох — запах чая, старого дерева и чего-то тёплого, слишком знакомого — и чувствует, как внутри становится тесно. Слово место для неё здесь по-прежнему есть. Но только маленькое. Мать ставит перед ней чашку — осторожно, чтобы не пролить. Чай тёмный, крепкий, с тонким кружком лимона. Как всегда. Ложка лежит строго справа.

— Пей, остынет, — говорит она мягко. — Тебе сейчас надо тёплое.

Мария кивает. Делает глоток. Слишком горячо — язык слегка обжигает, но она не морщится. Валентина Петровна садится напротив, выпрямляет край скатерти, будто тот мешает разговору.

— Тебе сейчас тяжело, Машенька, — говорит она негром-

ко. — Мы понимаем.

«Мы» звучит уверенно. Закрыто.

— Я переживаю, — продолжает мать. — Ты одна там. Это ведь страшно — одной.

Мария смотрит, как по поверхности чая медленно расходится плёнка.

— Ты похудела, — добавляет мать, нахмурившись. — Щёки совсем ушли. Ты ешь вообще?

Мария пожимает плечами.

— Да.

— Надо нормально, — сразу откликается Валентина Петровна. — Организм не железный. Тем более... после всего.

Она тянется через стол и касается Марии за запястье. Ладонь тёплая, сухая. Давит чуть сильнее, чем нужно.

— Я молюсь за тебя каждый вечер, — говорит мать с облегчением, словно это что-то решает. — Господь не оставляет.

Мария кивает снова. Механически. Мать убирает руку и сразу берётся за чашку, чтобы не держать паузу.

— Сейчас главное — пережить. Перетерпеть. Потом легче будет.

Мария слышит знакомый ритм этих слов.

— Ты молодец, что держишься, — добавляет Валентина Петровна. — Не каждая бы смогла.

Мария открывает рот, будто хочет что-то сказать, но мать уже продолжает:

— Всё наладится. Просто нужно время. И порядок. Когда порядок — и в голове легче.

Она говорит спокойно, почти ласково. Ни одного резкого слова. Ни одного вопроса. Мать смотрит на неё внимательно, ожидая подтверждения — не рассказа, не правды, а согласия.

Мария делает ещё глоток. Чай остыл. Горечь чувствуется сильнее, чем вкус. Она понимает, что здесь от неё не ждут воспоминаний. Только восстановления.

Отец сидит у окна. Стул скрипит, когда он чуть смещается — будто проверяет, не мешает ли. Свет падает сбоку, делает лицо резче, старше. Он слушает молча. Смотрит не на Марию, а куда-то поверх стола — в стекло, в двор, в ветки тополя, которые уже пошли мягкой зеленью.

Мать говорит. О порядке. О времени. О том, что «надо жить дальше». Отец кивает. Один раз. Потом ещё.

— Ну... жизнь она такая, — произносит он наконец, не повышая голоса.

Слова падают тяжело, как гайки на бетон. Мария ощущает, как у неё сводит челюсть. Медленно, почти незаметно. Она разжимает зубы, чтобы не хрустнули. Отец проводит ладонью по колену, выравнивает складку на брюках.

— У всех семьи не сахар, — добавляет он спустя паузу. — Это не только у тебя.

Он говорит спокойно. Не оправдываясь. Не защищаясь. Как человек, который давно всё решил. Мария смотрит на

его руки — крупные, с тёмными пятнами, с въевшимся заводским запахом, который не вымылся за годы.

— Ты не маленькая уже, — говорит он, наконец повернув голову. — Сама понимаешь.

Не вопрос. Констатация.

Мать согласно вздыхает, будто он озвучил главное. Мария кивает. Почти автоматически. Тело знает этот жест раньше мысли. Отец больше ничего не говорит. Он присутствует — как шкаф, как стена, как несущая балка. Не двигается. Не мешает. Не помогает.

И именно поэтому спорить не с кем. Она вдруг понимает: если здесь признаться, что было больно, — это прозвучит как упрёк порядку. А порядок важнее неё.

На кухне ставят третью тарелку. Пустую. С краю стола. Мать делает это аккуратно, как всегда — чтобы не звякнул фарфор. Потом ставит рюмку. Маленькую. Не полную.

— Помянуть надо, — говорит она негромко. — Всё-таки человек.

Мария смотрит, как прозрачная жидкость колыхается у края. Запах резкий, аптечный. В горле сразу сухо.

— Работящий был, — продолжает мать, усаживаясь. — Не лентяй. Дом вон тянул.

Она кивает куда-то в сторону, будто Эдик всё ещё там, за стеной, чинит кран.

— Не гулял, — добавляет она после паузы. — Сейчас таких мало.

Мария медленно проводит пальцем по краю стола. Лак в этом месте стёрт — маленькая дуга, знакомая с детства. Она считает дыхание. Раз. Два.

— Руки золотые, — говорит мать и вздыхает так, будто речь идёт о вещи, которую трудно заменить.

Отец молчит. Потом поднимает рюмку, не глядя на Марию.

— Хоть мужик был.

Фраза ложится ровно. Без нажима. Как печать. Мария кивает. Снова. Это уже почти рефлекс.

Никто не спрашивает, как он закрывал дверь. Никто — как он смотрел, когда злился. Никто — как в квартире становилось тихо. Слово «дома» не звучит. Слово «страшно» — тоже.

Мать крестится, шепчет что-то быстрое, хозяйственное. Потом тянется за хлебом.

— Ешь, Маш. Ты ничего не ешь.

Мария берёт кусок. Хлеб сухой, крошки липнут к пальцам.

Они поминают его — внимательно, подробно, по пунктам. Как человека. О ней — не говорят вовсе.

Мария ставит чашку на блюдце. Фарфор тихо щёлкает — слишком громко для этой кухни.

— Он иногда... — начинает она и сама удивляется, как хрипло выходит.

Мать сразу подаётся вперёд, будто ловит простуду.

— Маш, ну ты что, — мягко, почти ласково. — Сейчас у всех нервы. Время какое.

Мария кивает. Автоматически. Во рту привкус чая — крепкий, горький, будто передержали.

— Бывало, что он... — она ищет слово и не находит. Плечи тянет вверх, спина становится жёсткой.

Отец не поднимает глаз от стола.

— Не каждый же день, — говорит он спокойно. Не возражая. Уточняя.

Ложка в чашке звякает, когда Мария убирает руку. Она не помнит, зачем брала её.

— Я не про это, — говорит она и сразу же замолкает.

Мать уже режет пирог. Нож идёт ровно, уверенно.

— Ты сейчас просто устала, — говорит она. — Потом всё по-другому вспоминается.

Мария смотрит на разрез — ровная линия, крошки аккуратно собраны пальцем.

— Да, — говорит она, сдавшись. — Да...

Слова ложатся удобно. Как плед. Отец кивает, подтверждая порядок. Разговор течёт дальше — о даче, о соседях, о ценах. Её фраза остаётся между столом и стеной. Не прерванная. Не договорённая. И больше к ней никто не возвращается.

Мать вытирает руки о полотенце — аккуратно, по краю, чтобы не смять. Полотенце висит на том же крючке, что и десять лет назад.

— Развод — он ведь всегда на женщине, — говорит она почти буднично. — Мужики что... а семья на нас держится.

Мария смотрит на её пальцы: сухие, в мелких трещинках. Они двигаются быстро, уверенно. Эти руки умели держать дом.

— Люди ведь не знают, что там было, — продолжает мать и вздыхает, будто заранее оправдывается перед кем-то третьим. — Я же не оправдываю никого. Просто... сейчас такое время.

«Люди». Мария мысленно пытается представить их лица и не может. Только ощущение взгляда в затылок.

— Ты умная, — говорит отец, не поднимая головы. Он аккуратно складывает салфетку пополам, потом ещё раз. — Ты бы справилась.

Он произносит это спокойно. Почти тепло. Мария чувствует, как внутри что-то медленно опускается, будто лифт без тросов. В груди становится тесно. Воздух проходит, но не задерживается.

— Я и справлялась, — говорит она и сама слышит, как это звучит оправданием.

Мать сразу кивает, с облегчением.

— Вот. Я же говорю. Ты сильная девочка.

Слово «девочка» цепляется за кожу. Мария опускает взгляд на свои руки — взрослые, сухие, с коротко подстриженными ногтями. Они лежат на коленях, как положено.

Никто не повышает голос. Никто не спорит. Просто ста-

новится ясно: здесь сила — это не жить. Сила — это терпеть и молчать так, чтобы другим было удобно.

Мария встаёт помочь убрать со стола. Никто не просил — тело поднялось само, раньше мысли. Тарелки тёплые, с тонкой плёнкой жира по краю. Она моет их слишком быстро, вода плещется на фартук. В животе тянет, как перед рвотой. Не больно — неприятно, глухо. Горло сжимается, будто она что-то проглотила и не может протолкнуть дальше.

— Маш, ты бы присела, — говорит мать. — Я сама.

Мария качает головой. Висок дёргается. От шума воды становится легче — он глушит слова. Отец за спиной двигает стул. Ножки царапают линолеум. Звук короткий, резкий. Внутри что-то откликается так же — царапает.

Ей хочется сказать что-нибудь резкое. Любое. Чтобы оборвалось. Чтобы стало ясно, где выход. Но в голове вместо слов вспыхивают обрывки: его куртка на спинке стула, мамина фраза про терпение, отцовское «ты умная», её собственное лицо в зеркале — спокойное, чужое.

Злость поднимается волной и тут же теряет направление. Никуда не бьёт. Просто расплзается под кожей.

— Ты похудела всё-таки, — снова говорит мать, уже мягче. — Надо есть.

Мария кивает. Кивает слишком быстро. Тарелка звякает о раковину. Слишком громко. Она замирает, ждёт замечания — не следует. «Я просто устала», — говорит она себе, подбирая полотенце, вытирая руки до сухости, до тепла, до

покалывания. Усталость — слово безопасное. Его здесь понимают.

Злость остаётся внутри, без имени, без адреса. Как лишний предмет в комнате, который нельзя выбросить, потому что он ничей. Мать долго мешает чай, хотя сахар уже растворился. Ложка звенит о стекло — раз за разом, одинаково.

— Ты можешь пожить у нас, — говорит она наконец, не поднимая глаз. — Ну... пока в себя придёшь.

Мария смотрит на край стола. Скол в форме полумесяца. Он был здесь всегда. Она помнит, как в детстве цеплялась за него коленкой. Отец кивает, медленно, как будто подтверждает не предложение — решение.

— Сейчас одной тяжело. Тут всё своё. Привыкнешь.

Слово «привыкнешь» ложится тяжело, как крышка. От гроба.

— Комната твоя свободна, — добавляет мать поспешно. — Я там только цветы поставила. И коробки разобрала.

Мария представляет эту комнату без усилий: кровать у стены, письменный стол, шторы с выцветшими полосами. Воздух, который не менялся годами. Там всё будет ждать её в том же виде, в каком она ушла.

— Не надо спешить, — говорит отец. — Просто чтобы было спокойно.

Спокойно — значит тихо. Тихо — значит незаметно. Мария чувствует, как внутри что-то медленно сжимается, будто ремень затягивают на один прокол ближе. Она улыбается —

автоматически, вежливо.

— Спасибо, — говорит она. Голос ровный. — Я подумаю.

Мать облегчённо выдыхает. Как будто опасный момент миновал. Мария ставит чашку на блюдце. Руки не дрожат. Это почему-то пугает сильнее всего. Она уже знает ответ. Просто ещё не произнесла его вслух.

Мария надевает куртку медленно, попадая рукой не в тот рукав. Исправляется. Молния заедает — на секунду, не больше.

— Ты шарф возьми, — говорит мать и уже тянется к вешалке. — Ветер сегодня.

Мария кивает. Шарф пахнет стиральным порошком и чужим домом. Мать суёт ей в руки пластиковый контейнер. Тёплый. Крышка запотела изнутри.

— Тут суп. Ты ведь не ешь. Хотя бы вечером поешь.

— Поем, — отвечает Мария.

Отец стоит у двери, придерживая её ладонью, как будто она может захлопнуться сама.

— Позвони, — говорит он. — Чтобы мы не переживали.

Она снова кивает. Кивает легко — как человек, который уже согласился со всем сразу.

— Ладно, — говорит мать. — Ты там... не пропадай.

Мария делает шаг в подъезд. Потом второй. Дверь закрывается без звука — мягко, воспитанно. На лестнице пахнет пылью и чьими-то котлетами. Лампочка мигает, собираясь перегореть, но пока держится.

Мария спускается на пролёт ниже и только там останавливается. Вдыхает глубже, чем за весь вечер. Воздух холодный, сырой. Настоящий. Облегчения нет. Есть пустота — ровная, как после наркоза. Она знает: если вернуться — растворится. Станет удобной. Тихой. Правильной.

«Им правда кажется, что они меня спасают.»

Мысль приходит без злости. Почти нежно. И от этого становится страшно. Потому что если это — любовь, то другой у неё никогда не было.

Глава 8

Детское кафе было слишком ярким для этого часа.

Пластиковые столы блестели, будто их только что протёрли, но липкость всё равно оставалась на пальцах. Жёлтые и салатные стены давили цветом. Музыка играла громче, чем нужно — бодрая, с припевами, которые хотелось не подпевать, а переждать. Пахло картошкой фри и сладким сиропом. Запахи смешивались и становились чем-то единым, густым. От него хотелось пить, но не воду.

Мария сидела у стены. Она пришла рано — настолько, что успела увидеть, как за соседним столом сменились две семьи, а официантка трижды протирала одно и то же место. Чашка перед ней была почти пустой. На дне оставалось тёмное пятно кофе, размытое тонкой плёнкой. Мария делала маленькие глотки, хотя пить там уже было почти нечего. Кофе отдавал алкоголем — мягко, осторожно. Не так, чтобы кружилась голова. Просто тело становилось чуть менее острым. Как если бы кто-то убавил громкость внутри.

Она не торопилась.

Держала чашку обеими руками — не потому, что горячо, а потому что так было удобнее. Локти стояли на столе. Плечи немного опущены. Между глотками проходило больше времени, чем требовалось напитку. Иногда она просто смотрела, как по стене ползёт тень от вращающейся лампы.

Внутренний карман куртки слегка оттягивало вниз — фляжка. Тёплая, согретая телом. Мария знала её вес наизусть. Во втором кармане лежала новая пачка сигарет и зажигалка. Целлофан ещё не был сорван. Картон пах свежей типографией. Она чувствовала это даже сквозь ткань.

Она сигареты не доставала. Просто знала: они на месте.

Рядом за столом мальчик лет пяти визжал так, будто его режут. Мать устало просила говорить тише. Мальчик не слышал — или делал вид. За игровым уголком кто-то плакал уже минут десять без перерыва, с тем особым надрывом, который не означает беды, а только усталость.

Мария сделала ещё один глоток. Алкогольный привкус задержался на языке и исчез. Она поставила чашку обратно и осталась сидеть, слушая шум, как слушают дождь за окном — не вникая, просто позволяя ему быть.

Подруга опаздывала. Мария не проверяла телефон. Впервые за день от неё ничего не требовали. Лена появилась сразу с шумом. Сначала — коляска, застрявшая колесом в дверном проёме. Потом голос:

— Подожди, стой, я сказала стой!

Потом — ребёнок, который не стоял. Мария узнала Лену ещё до того, как та показалась целиком: по интонации, в которой одновременно были извинение, угроза и смех.

— Маш, прости, — сказала Лена в пространство, продолжая бороться с дверью. — Мы тут чуть не умерли по дороге. Она наконец втащила коляску внутрь. Следом вбежал

старший — в кроссовках со светящейся подошвой. Он сразу направился в сторону игровой зоны, не оглядываясь.

— Стой! — крикнула Лена ему в спину. — Я сказала — стой!

Ребёнок ускорился.

— Отлично, — пробормотала она и повернулась к младшему. — А ты чего ноешь? Мы же уже пришли.

Младший продолжал ныть. Не громко, но настойчиво, как фоновый звук. На Лене висело всё сразу: рюкзак, сумка с подгузниками, пакет из супермаркета и чужая куртка, которая явно не принадлежала ни одному из детей.

— Не трогай это. Не трогай! Господи, куда ты полез... — она наклонилась, задела коляску, та скрипнула. — Маш, привет.

— Привет, — сказала Мария.

Лена улыбнулась ей на секунду — быстро, будто между делом, — и тут же снова исчезла в материнском режиме.

— Подожди секунду. Секунду, я сказала.

— Ма-а-ам...

— Не сейчас.

Мария поднялась. Без слов придержала дверь, когда Лена попыталась развернуть коляску. Отодвинула стул. Подняла варежку, упавшую под соседний стол, и положила её на коляску. Лена заметила это только через пару секунд.

— Спасибо, — сказала она автоматически и тут же добавила: — Я клянусь, я раньше была другим человеком.

Мария чуть заметно хмыкнула. Старший уже исчез в глубине игровой зоны. Оттуда доносился грохот шариков и чей-то победный визг.

— Он снимает куртку сам? — спросила Мария.

— Теоретически — да, — ответила Лена. — Практически — только если ты не торопишься жить.

Она стянула с младшего шапку, тот возмутился.

— Я знаю, тебе не нравится. Мне тоже, — сказала она ему ровным голосом.

Коляска наконец встала у стола. Лена выдохнула и на секунду замерла — просто стоя, не двигаясь. Потом посмотрела на Марию.

— Ты давно тут?

Мария кивнула.

— Видно, — сказала Лена, глянув на почти пустую чашку. — Ты всегда так делаешь. Пьёшь так, будто время можно растянуть.

Мария снова взяла чашку в ладони.

— Иногда получается, — сказала она.

Лена усмехнулась и полезла в рюкзак.

— Так. Если я сейчас не закажу еду, они меня съедят. Причём не фигурально.

Из игровой зоны донёсся крик:

— Ма-а-ам!

— Я здесь! — автоматически отозвалась Лена, даже не поднимая головы.

Мария отметила это почти профессионально. Как рефлекс. Как дыхание. И подумала, что шум в кафе стал будто чуть ровнее — не тише, а просто привычнее.

— В саду опять сопли, — сказала Лена, разрывая трубочку от сока. — Я уже не различаю, где наши, где общие.

— Мам, он меня толкнул!

— Потому что ты встал перед ним.

— Я просто стоял!

Лена протянула младшему салфетку.

— Высморкайся. Нет, не в рукав. В салфетку. Да, вот так.

Молодец.

Она села наконец напротив Марии и на секунду прикрыла глаза.

— Школа — это отдельный ад, — сказала она. — Эти часы... Я иногда думаю, что нас туда специально добавляют, чтобы сломать психику.

Мария кивнула.

— А сад — чтобы добить, — добавила Лена. — Там каждую неделю новый вирус. Я уже не лечу — я угадываю.

Старший вернулся к столу за водой, пролил половину.

— Ничего, — сказала Лена. — Всё нормально. Мы дома так же живём.

Она достала из рюкзака запасную футболку.

— Я раньше думала, устают те, кто работает по двенадцать часов, — сказала она, просовывая ребёнку голову в горловину. — Оказывается, нет.

— А кто? — спросила Мария.

— Те, кто работает круглосуточно, — Лена усмехнулась.

— Без выходных и больничных.

— Мам, я хочу есть.

— Ты ел.

— Это было давно.

— Это было двадцать минут назад.

Мария заказала новый кофе и медленно сделала глоток, стараясь незаметно вытащить фляжку и подлить в кофе. Музыка ударила громче, чем нужно. Лена заметила железку в руке подружки и посмотрела так, словно увидела не фляжку, а еще людей на необитаемом острове. Мария без слов взяла стакан и подлила Лене.

Кто-то в соседнем углу заплакал так, будто потерял не игрушку, а смысл жизни.

— Цены видела? — продолжила Лена. — Я вчера стояла у кассы и считала в голове, что можно не брать. Не потому что нет денег. А потому что принцип.

— Принцип усталости, — сказала Мария.

— Вот! — Лена посмотрела на неё с благодарностью. — Именно. Когда просто не хочешь платить за йогурт, который исчезнет за две минуты.

Младший потянулся к её стакану.

— Нет. Это мамино.

— Хочу!

— Я тоже хочу. Но это не аргумент.

Она снова улыбнулась — устало, криво.

— Мы не спим, — добавила Лена. — Он просыпается. Потом я. Потом старший приходит с вопросом о смысле жизни в четыре утра.

— И что ты отвечаешь? — спросила Мария.

— Что утром поговорим, — сказала Лена. — Утром никто не спрашивает.

Мария улыбнулась. Почти незаметно. Она слушала. Кивала. Иногда вставляла слово. Но в основном смотрела. Как Лена режет котлету на мелкие куски. Как автоматически вытирает стол. Как разговаривает сразу в три стороны. Жизнь происходила рядом с ней — громкая, неровная, перегруженная. Не страшная. Не счастливая.

Просто — чужая.

Дети на несколько минут исчезли в игровой зоне. Там что-то гремело, мигало и пищало так, будто внутри тестировали сирену. Лена смотрела им вслед, не двигаясь. Потом сказала — как будто между делом:

— Я иногда в туалете сижу дольше, чем надо. Просто чтобы никто не трогал.

Она усмехнулась и тут же прикрыла рот ладонью, будто это была не шутка, а признание. Мария хмыкнула.

— Минут на десять? — спросила она.

— Если повезёт — на пятнадцать, — ответила Лена. — Сижу и думаю: если сейчас кто-нибудь постучит, я заплачу.

Они засмеялись. Коротко. Неловко. Слишком громко для

правды.

— Я правда думала, что всё будет иначе, — сказала Лена, уже тише. — Что я буду всё успевать. Что будет... ну... радость. — Она повертела трубочку в стакане. — Никто не говорит, что ты можешь любить и одновременно хотеть исчезнуть на полчаса... Или навсегда.

— Или что усталость не проходит после сна, — добавила Мария.

Лена посмотрела на неё внимательно.

— Да. Вот это. — Она кивнула, словно Мария сформулировала что-то важное. — Я была готова к первому, — сказала Лена. — Правда. Планировала. Читала. Настраивалась. — Она выдержала паузу. — А второй... — она пожала плечами. — Он просто случился.

Слова повисли.

— Ну, ты понимаешь, — быстро добавила она и тут же улыбнулась. — Я их люблю. Конечно люблю.

Мария кивнула. Она действительно не понимала. И понимала слишком хорошо.

Дети закричали что-то радостное из-за горки. Лена сразу поднялась.

— Сейчас. Иду. Я здесь.

Она пошла к ним быстрым шагом человека, который давно не принадлежит себе. Мария осталась за столом. Кофе остыл. Алкогольный привкус почти исчез. Но тело всё ещё было тише, чем обычно. На несколько минут — этого оказа-

лось достаточно.

Лена вернулась за стол, уже с соком, липкими салфетками и чужой машинкой, которую кто-то сунул ей в руку по дороге.

— Старший у меня был по всем правилам, — сказала она, усаживаясь. — Мы прям готовились. — Она усмехнулась. — Таблицы, календари, статьи. Я тогда думала, что если всё изучить, то будет проще.

Мария кивнула.

— Хотела быть хорошей матерью, — добавила Лена и будто сама удивилась этим словам. — Не просто нормальной, а хорошей.

Она сказала это без пафоса — как констатацию факта. Как задачу, которую однажды поставили и больше не пересматривали.

— А второй... — Лена пожала плечом. — Ну... получилось как получилось.

Она сказала это тише. Почти между делом. Мария смотрела в чашку. На дне осталась мутная кофейная полоса.

— Аборт тогда... — Лена замялась, потёрла край стола пальцем. — Ну, ты понимаешь.

Она не договорила. Не потому что боялась — потому что так было принято. Ни одна из них не подняла взгляд. В этот момент из игровой донёсся визг, потом грохот и победный крик:

— Ма-а-ам!

Лена вздохнула, поднялась снова автоматически.

— Иду! Иду! Не ори так!

Когда она вернулась, разговор уже ушёл. Машинка ката-лась по столу, оставляя мокрые следы от сока. Мария подумала, что в этой жизни есть темы, которые всегда говорят вполголоса. Не потому что стыдно. А потому что громко — нельзя.

Лена смотрит на неё чуть дольше обычного. Не в упор — скорее боковым зрением, между тем как вытирает младшему рот салфеткой.

— А ты как? — спрашивает она.

Вопрос простой. Без нажима. Почти автоматически — как «будешь сахар?». Мария не задумывается.

— Нормально.

Слово выходит гладким. Отработанным. Лена кивает слишком быстро. Так кивают, когда не хотят уточнений.

— Ну и хорошо, — говорит она и тянется за стаканом.

Обе понимают, что это неправда. И обе делают вид, что правда здесь ни к чему. Младший тянет Марию за рукав:

— Смотри!

Она наклоняется, смотрит на криво собранную башню из кубиков.

— Красивая, — говорит она.

Башня падает. Ребёнок смеётся. Мария тоже улыбается — чуть позже, чем нужно. И этого достаточно, чтобы разговор не возвращался назад. Сначала проливается сок. Стакан ле-

тит набок, липкая оранжевая лужа расплзается по столу и капает на пол.

— Ай! — кричит старший.

— Я же говорила, не ставь туда! — одновременно говорит Лена и тянется за салфетками.

Младший в этот момент решает, что это отличная возможность залезть под стол.

— Стой. Стой-стой-стой. Господи, куда ты...

Коляска слегка откатывается. Кто-то начинает плакать — неясно, из-за сока или из принципа. Другой смеётся так громко, что оборачиваются за соседними столами.

— Простите, — автоматически говорит Лена сразу всем: Марии, официантке, воздуху.

Потом, наклонившись к детям, шепчет сквозь зубы:

— Если вы сейчас не сядете, я вас обоих... я вас очень сильно...

Фраза обрывается и превращается в усталый выдох. Мария подхватывает салфетки, промакивает стол. Кто-то роняет ложку. Она поднимает. Кто-то снова ноет. Музыка орёт детские песни с неестественным энтузиазмом.

Мария делает глоток кофе. Алкоголь почти не чувствуется на языке — только тепло, медленно расплзающееся под рёбрами. Шум вокруг становится плотным, вязким. Он накрывает её целиком. Мысли — те, которые обычно звучат громче всего, — тонут в детском визге и хлопке крышек. Тепло постепенно отпускает плечи. Челюсть разжимается. Она

не чувствует радости. Просто боль отступает на шаг.

Впервые за долгое время.

Подруга собирает вещи быстро, привычно, будто складывает не куртки и варежки, а саму себя.

— Я иногда завидую тебе, — говорит она легко, почти на ходу. — Честно.

Смеётся, уже наполовину отворачиваясь к детям. Мария улыбается сразу. Автоматически. Как кивают на «спасибо». Ничего не отвечает. Лена надевает куртку на младшего, поправляет капюшон старшему, ещё раз извиняется — уже неясно, за что именно. Дети тянут её в разные стороны.

— Всё, идём, — говорит она. — Скажи «пока».

— Пока! — кричит один. Второй уже бежит к двери.

Мария поднимает руку. Не машет — просто поднимает. Остаётся сидеть. Кафе мгновенно заполняется другим шумом — чужим, безымянным. Новые дети. Новые родители. Те же крики. Во внутреннем кармане фляжка тёплая, почти живая. В другом — пачка сигарет и зажигалка. Целые. Неначатые. Она допивает кофе.

Горечь сильнее, чем раньше. Алкогольный привкус почти исчез — остался только след, как от лекарства, которое перестало действовать. Мария ставит чашку на стол и не спешит вставать. За стеклом кто-то смеётся, кто-то орёт, кто-то тащит ребёнка за руку. Она смотрит, как липкое пятно от сока на полу уже вытерли, но оно всё равно заметно — если знать, куда смотреть.

Мария знает. И остаётся сидеть ещё немного.

Глава 9

Кухня была освещена только верхним светом, без настольной лампы. Он всегда говорил, что так ярче видно. Эдик курил у приоткрытого окна, локтем упираясь в раму, и дым не сразу выходил наружу — сначала зависал, смешиваясь с запахом подогретой еды. На столе стояла бутылка, почти пустая, с отклеившейся этикеткой, не в центре, а сбоку, рядом с солонкой. Как будто её туда случайно поставили и забыли убрать.

Мария мыла посуду. Вода была слишком горячей, но она не убавляла — так быстрее. Движения шли по порядку: тарелка, кружка, нож, снова тарелка. Пальцы скользили по керамике, иногда цепляясь за края, и она чуть сильнее сжимала губы, когда вода обжигала кожу. На подоконнике лежали таблетки — разложенные по дням, аккуратно, без коробок. Она краем глаза проверила, все ли на месте, и вернулась к раковине.

Он затушил сигарету не сразу, постоял ещё, глядя куда-то вниз, во двор. Пепел упал на подоконник, и Мария автоматически потянулась за салфеткой, вытерла, сложила её вдвое и бросила в мусор. Плечи были чуть подняты, как будто она держала их так уже давно. Она этого не замечала. Вечер был обычный. Просто вечер.

Таблетки лежали на столе россыпью, без блистера, рядом

с хлебницей. Белые, розовые, одна жёлтая — Мария различала их на ощупь, не глядя. Она провела пальцем по поверхности стола, собирая крошки, и сдвинула таблетки ближе к краю, чтобы не мешали. От дерева тянуло холодом, и ладонь на секунду задержалась, будто примеряясь.

— Ты от давления не пил, — сказала она, не поднимая головы. Голос вышел ровным, как если бы она напоминала про выключенный свет.

Эдуард сидел, откинувшись на спинку стула, и массировал шею двумя пальцами. Потом махнул рукой, задел стакан, жидкость плеснула, но не пролилась. Он потянулся за сигаретами, щёлкнул зажигалкой. Мария почувствовала, как дым сразу лег в горле, чуть сдавил, и она сделала вдох через нос, медленный, чтобы не закашляться.

— Да нормально всё, — сказал он и улыбнулся, не глядя на неё. — Я знаю своё тело. Не начинай.

Он взял одну таблетку, поднёс ко рту, но вместо воды сделал глоток из стакана. Мария заметила, как он поморщился, и машинально сжала пальцы, ногти упёрлись в кожу. Она поставила чайник на плиту, даже не проверив, пустой он или нет. Плечи оставались поднятыми, и в шее тянуло, будто там застряла тонкая проволока. В комнате было тихо, если не считать его дыхания и щелчка зажигалки. Всё выглядело как обычно.

— Я завтра заеду в аптеку, — сказала Мария, глядя в раковину. Вода шла тонкой струёй, тёплой, почти горячей, и

пар оседал на кафеле мутными пятнами. — И надо бы коммуналку оплатить, там срок.

Она выключила кран и вытерла руки о полотенце. Ткань была влажной, пахла вчерашней стиркой. За спиной щёлкнула зажигалка. Эдик не ответил. Пауза растянулась, наполнилась шумом вытяжки и далёкими голосами из телевизора. Мария почувствовала, как воздух в груди становится плотным, и вдох пришлось делать чуть глубже, чем обычно.

— Ты сейчас о чём? — спросил он наконец. Спокойно, без интонации. — О том, что денег нет?

Она обернулась. Он стоял у окна, прижимая телефон к уху плечом, и смотрел вниз, на двор. Сигарета тлела между пальцев, пепел вытянулся длинной серой полосой. Мария покачала головой, слишком быстро.

— Нет, я не это имела в виду. Я просто... чтобы не забыть. Там скидка, если до пятницы успеть.

Эдик усмехнулся, стряхнул пепел в пепельницу.

— Ты всегда так говоришь, — сказал он, всё так же не глядя. — Сначала «просто», потом начинается.

У Марии пересохло во рту. Она почувствовала вкус кофе, оставшийся с утра, горький и холодный. Язык неловко упёрся в нёбо, и она сглотнула.

— Я не начинаю, — сказала она и тут же добавила тише: — Я же не про тебя. Я про счёт.

Она сделала шаг к столу, подвинула кружку, выровняла лежащие рядом бумаги, хотя они и так лежали ровно. Плечи

сами собой подались вперёд. Дыхание стало коротким, как после быстрой ходьбы. Эдик повернулся, посмотрел на неё внимательно, будто примеряясь к словам.

Звук вышел короткий, сухой. Не громкий — просто резкий, как если уронить тяжёлый предмет с небольшой высоты. Ладонь Эдика ударила по столу, и кружка у края дрогнула, чуть провернулась, оставив на дереве тёмный круг. Таблетницы съехали на сантиметр, одна легла боком.

— Так и говори нормально, — сказал он. — А то потом сама путаешься.

Мария дёрнулась раньше, чем поняла почему. Плечи поднялись, живот втянулся, ступни плотнее упёрлись в пол. В груди стало пусто, будто воздух из неё выдавили, и следующий вдох вышел шумным, неровным. Пальцы онемели сразу, от кончиков к запястьям, холод поднялся по ладоням, как от металлической поверхности зимой.

Тишина после удара была плотной. Слишком аккуратной. Телевизор продолжал говорить, но слова не складывались. Мария смотрела на стол, на сдвинутые предметы, и не могла вспомнить, как именно держала руки секунду назад. Колени слегка подрагивали, этого было достаточно, чтобы она это заметила.

— Ты чего так реагируешь? — сказал Эдик спокойно, почти удивлённо. Голос был ровный, без напряжения. — Я же не тебя.

Он сел обратно, подтянул к себе стакан, сделал глоток.

Стекло тихо стукнуло о стол. Мария кивнула, слишком быстро, и сразу же опустила плечи, как будто их кто-то нажал сверху. Сердце билось неровно, с паузами, и в этих паузах было особенно слышно собственное дыхание.

— Да, — сказала она и сама не узнала свой голос: тише, чем собиралась. Она подвинула кружку обратно, выровняла таблетницы, провела пальцем по столешнице, стирая влажный след. Кожа под подушечками пальцев была холодной, будто стол стоял на сквозняке.

Эдик говорит сразу, не делая паузы, как будто продолжает разговор, а не что-то исправляет. Объясняет ровно, без нажима. Говорит про работу, про смену, про то, что голова гудит с утра. Про давление — «опять прыгнуло», про спину — «заклинило к вечеру». Его голос спокойный, даже усталый, как у человека, которому и так тяжело, а тут ещё приходится что-то разъяснять.

— Я просто нервный сегодня, — говорит он и тянется за сигаретой. — Ты всё принимаешь близко. Я же никого не тронул.

Дым ложится между ними тонкой полосой. Мария кивает, не сразу, с задержкой, будто догоняет движение собственной головы. Шея тянет, в висках пульсирует. Она чувствует, как тепло возвращается в пальцы, и вместе с этим появляется неприятная липкость в ладонях. Хочется вытереть их о джинсы, но она оставляет руки на коленях.

Она думает, что действительно среагировала резко. Что

тело подвело. Что в последнее время она стала слишком чувствительной, плохо спит, много думает. Вспоминает свои же фразы из кабинета — про перенос, про усталость, про накопленное напряжение. Они всплывают сами, без усилия, как заученный текст.

— Извини, — говорит она тихо, и слово выходит гладко, без сопротивления.

В груди становится тесно, но это знакомое ощущение, рабочее. Она выдыхает медленно, считая про себя, как учила других. Сердце постепенно выравнивается, паузы между ударами сокращаются.

Эдик кивает в ответ, уже отвлекаясь, как будто вопрос закрыт. Мария снова тянется к столу, проверяет, на месте ли таблетки, ровно ли стоят кружки. В голове крутится короткая мысль — «перегнула» — и оседает где-то ниже, в животе, тяжёлым, неловким комком.

Мария сидит ровно, чуть сдвинувшись к краю стула. Между ней и столом появляется лишние несколько сантиметров — она не отслеживает момент, когда это происходит. Колени прижаты друг к другу, ступни стоят полностью на полу, как будто так устойчивее. Спина напряжена, но она воспринимает это как правильную осанку, как привычку держать себя.

Внутри звучат короткие фразы, сухие, без образов. Не как мысли — как подписи под происходящим. Это не насилие. Он просто вспыльчивый. Все иногда срываются. Формулировки знакомые, аккуратные, без лишних слов. Они ложатся

одна за другой, закрывая пустоты, чтобы не пришлось туда смотреть.

Она следит за дыханием, старается сделать его ровнее. Воздух застревает где-то под ключицами, не опускаясь ниже. Плечи слегка приподняты, но она этого не чувствует — только усталость в шее, тупую, фоновую. Ладони всё ещё прохладные, пальцы медленно сгибаются и разгибаются, как будто проверяют, на месте ли они.

Она садится так, чтобы быть дальше, и находит это положение удобным. Думает, что просто так лучше слышно. Что свет не бьёт в глаза. Что стул здесь устойчивее. Мысль о том, чтобы пересесть ближе, не возникает вовсе — как не возникает мысль убрать руку от горячей поверхности, если она уже научилась не касаться.

Мария кивает сама себе, почти незаметно. В теле остаётся напряжение, но оно больше не выглядит лишним. Оно встраивается, становится частью обстановки — как шум за окном или запах табака. Она принимает его за норму и сидит так дальше, не проверяя, можно ли иначе.

Разговор сворачивается сам, без точки. Слова заканчиваются, как заканчивается сигарета — Эдик снова тянется к пачке, чиркает зажигалкой, открывает окно. Дым ложится в комнату привычно, не задерживаясь. Телевизор включается почти сразу, на низкой громкости, как фон, который не требует участия. Он смотрит в экран и между делом спрашивает, что будет на ужин, тем же тоном, каким спрашивают про

погоду.

Мария встаёт. Пол под ногами холодный, это ощущается отчётливо. Она идёт на кухню, берёт нож, доску, достаёт продукты. Руки дрожат — не сильно, ровно настолько, чтобы это можно было не заметить. Она ставит пальцы правильно, как учили, и режет медленно, аккуратно. Ломтики получаются одинаковыми, почти красивыми. Нож стучит о доску с равным интервалом.

Запах еды постепенно перебивает табак. Дыхание выравнивается не сразу — сначала рывками, потом тише. Тело остаётся собранным, как после долгого ожидания, но снаружи этого не видно. Телевизор бубнит из комнаты, Эдик кашляет, снова затягивается. Вечер возвращается на своё место, и Мария продолжает готовить, не проверяя, почему плечи всё ещё не опускаются.

Мария вспоминает это сейчас — не как сцену, а как набор ощущений. Кухня без точных очертаний, звук удара без формы, пауза без времени. Она отмечает, почти технически: тогда не стало страшно. Сердце не ускорилося так, чтобы запомнилось. Ноги не потянулись к выходу. Мысль о том, что нужно уйти, не возникла — как не возникает мысль закрыть окно, если не дует.

Она помнит, как осталась сидеть. Как продолжила делать то, что делала. Тело вело себя прилично: не кричало, не требовало. Всё было в пределах нормы. Даже позже, прокручи-

вая это внутри, она не находила слов, которые стоило бы подчеркнуть. В памяти не было красного, только серое и ровное.

Фраза всплывает сама, без интонации, как подпись под снимком: он ведь не ударил. Она произносится внутри так же спокойно, как тогда, и ложится на место, не цепляясь ни за что. Рядом с ней — тишина, в которой можно жить, если научиться дышать короче.

Ощущение остаётся телесным: как если бы пространство стало меньше на пару сантиметров со всех сторон. Не больно. Просто тесно. И чтобы в этом поместиться, приходится объяснять себе — снова и снова — почему это не считается.

Глава 10

В квартире горит верхний свет — неярко, но и не уютно. Он не согревает, просто обозначает пространство. Мария закрывает дверь, не прислушиваясь, щёлкает замком и сразу проверяет второй. Без паузы. Ключи остаются в замке на секунду дольше, чем нужно, потом она вытаскивает их и кладёт на тумбу. Не в чашу для мелочи, а рядом. Как есть.

Сумка скользит на пол, прислоняется к стене. Куртка снимается наполовину: сначала один рукав, потом другой, но она не вешает её, а бросает на спинку стула. Свитер остаётся на ней. Носки тоже. В комнате прохладно, но не настолько, чтобы это имело значение. Она отмечает это так же, как отмечает свет.

Телефон лежит экраном вверх. Время мигает в углу. Цифры меняются, но она не следит. Часы на стене тикают громче, чем обычно, или ей только кажется. Она не проверяет батарейку.

Мария проходит на кухню, включает чайник и тут же выключает. Пауза между этими действиями слишком короткая, чтобы быть осознанной. Она стоит у раковины, кладёт ладони на край столешницы. Холод чувствуется сразу, через кожу. Пальцы немного немеют, и это приятно — конкретное ощущение, не требующее объяснений.

Она не плачет. Не садится. Не смотрит в окно. Движения

идут по очереди, как пункты списка, который давно выучен: снять, положить, пройти, включить, выключить. В голове пусто. Не тишина — именно пусто, как после резкого отключения света, когда глаза ещё не успели понять, что смотреть больше некуда.

Мария открывает холодильник, смотрит внутрь, закрывает. На дверце остаётся её отражение — вытянутое, бледное, с тенью под глазами. Она не задерживает взгляд. Проходит мимо зеркала в прихожей так же, не замедляясь, будто знает: если остановиться, придётся что-то уточнять.

Она идёт в комнату, садится на край дивана, не снимая свитера, и некоторое время сидит неподвижно. Колени чуть разведены, руки на бёдрах. Спина прямая — не потому что старается, а потому что так легче дышать. Вдохи неглубокие, но ровные. Тело делает ровно столько, сколько нужно, чтобы оставаться здесь.

Ни одной мысли не оформляется до конца. Они появляются и исчезают, не оставляя следов. Как шум за стеной: вроде есть, но разобрать слова невозможно и незачем.

Через какое-то время — трудно сказать, сколько именно — она встаёт и идёт обратно на кухню. Без решения. Просто потому, что список ещё не закончился.

Мария достаёт бутылку не сразу. Сначала открывает шкаф, где стоят чашки, потом закрывает. Потом другой — с крупами. Рука тянется мимо нужного места, как будто маршрут ещё не проложен. Бутылка обнаруживается там, где она

и должна быть: на нижней полке, сдвинутая к задней стенке. Уже начатая. Этикетка надорвана, горлышко липкое.

Стакан она берёт обычный, без ножки, с толстым дном. Такой удобно мыть, и если уронить — не жалко. Ставит его на стол, наливает не до края, останавливается раньше, чем можно было бы. Пауза — короткая, почти техническая. Потом ещё капля, как поправка. Этого достаточно.

Первый глоток резкий, почти обидный. Горло сжимается, язык мгновенно понимает, что это не то, что хотелось бы пить ради вкуса. Она делает вдох носом, медленно, как учат пациентов, хотя сейчас никого не учит. Второй глоток идёт легче, мягче, будто жидкость уже договорилась с телом о правилах. Тепло появляется не сразу. Оно поднимается снизу, лениво, волной, не захватывая голову, а проходя где-то глубже, там, где обычно скапливается напряжение.

Она не улыбается. Не морщится. Просто сидит, опираясь локтем о стол, и держит стакан в ладони, чувствуя, как стекло постепенно становится тёплым. Шум в голове не исчезает, но будто отодвигается. Как если бы кто-то убрал один слой фонового звука. Мысли всё ещё есть, но они больше не лезут вперёд, не требуют немедленного внимания.

Мария делает ещё один глоток, меньше предыдущего, и ставит стакан на стол. Смотрит на него секунду дольше, чем нужно, как на прибор с понятной функцией. Алкоголь не приносит облегчения в привычном смысле. Он не утешает. Он просто снижает громкость — делает так, что внутренние

движения становятся менее резкими, менее требовательными.

Она откидывается на спинку стула, чувствует, как плечи опускаются на пару сантиметров. Этого достаточно, чтобы дыхание стало ровнее. В теле появляется тяжесть, не неприятная, скорее якорная. Ничего не тянет, не толкает. Можно сидеть.

Мария знает, сколько ей нужно. Не по цифрам, а по ощущениям. Ей не нужно больше. Пока. Она снова берёт стакан, делает ещё один глоток — уже почти машинально — и отмечает, что вкус стал ровнее, менее агрессивным. Это не радость. Это настройка, как подкрутить регулятор, чтобы прибор не пищал.

Стакан остаётся на столе, бутылка — рядом, в пределах досягаемости, но она не тянется к ней сразу. Тело стало тише, и этого достаточно, чтобы ничего не делать. Сидеть. Дышать. Не думать, что будет дальше.

Мария сидит, не меняя позы. Стул под ней жёсткий, край сиденья упирается в заднюю поверхность бедра, и это ощущение почему-то важно — как подтверждение, что тело ещё здесь. Руки лежат на столе, ладони развернуты вниз, пальцы расслаблены. Мысли укорачиваются, теряют привычку разветвляться. Одна мысль — одна форма. Они больше не цепляются друг за друга, не строят объяснений. Просто возникают и тут же гаснут.

Тяжесть приходит постепенно. Не как сонливость, а как

увеличение веса внутри. Будто к телу добавили слой, и теперь оно плотнее прилегает к поверхности, на которой сидит. Плечи опускаются ещё немного — это происходит само, без команды. Она замечает это постфактум, как отмечают уже сделанный вдох. Шея перестаёт держать голову так высоко, подбородок смещается на миллиметр вниз, и этого достаточно, чтобы исчезло напряжение под затылком.

Мария отмечает, что может сидеть неподвижно. Не потому что замерла, а потому что нет потребности двигаться. Нет импульса проверить телефон, встать, налить ещё, открыть окно. Внутреннее «надо» исчезает, как будто его выключили из розетки. Тело становится послушным не усилию, а отсутствию усилий. Можно ничего не делать — и ничего не происходит.

Пауза ощущается настоящей. Не той, что заполняют мыслями о завтрашнем дне или прокручиванием разговоров, а пустой, ровной, без краёв. В этой паузе нет облегчения, но и нет давления. Она не приносит радости, не обещает выхода. Она просто есть. Этого оказывается достаточно, чтобы не требовать от себя решений.

Мария фиксирует это спокойно, почти профессионально, без оценки. Работает. Не идеально, не навсегда — но сейчас. Мысли короткие, тело тяжёлое, плечи ниже. Можно сидеть. Можно не решать. Можно позволить этому продолжаться ещё немного.

Пачка лежит на столе, не спрятанная и не выставленная

специально — просто там, где она её оставила несколько дней назад. Картон ещё держит форму, плёнка снята аккуратно, без надрывов. Мария отмечает это машинально, как отмечают порядок в чужом доме. Зажигалка в ящике, справа, ближе к стенке. Она не проверяет — знает.

Сигарета вытаскивается туго, с сухим шорохом. Бумага гладкая, чуть скользкая, фильтр непривычно плотный. Мария держит её между пальцами неуверенно, слишком прямо, как предмет, с которым не договорились о дистанции. Пальцы помнят другие формы, другие усилия, и это ощущается как несоответствие — мелкое, но раздражающее.

Огонь появляется не сразу. Колёсико заедает, пламя гаснет, оставляя запах газа. Со второго раза получается. Кончик темнеет, бумага сворачивается внутрь, и дым поднимается тонкой, почти аккуратной струйкой. Запах резкий, чужой, он сразу занимает пространство, перебивая всё остальное. Мария подносит сигарету ко рту, задерживается на секунду дольше, чем нужно, как будто проверяет, не изменилось ли что-то за это время.

Первая затяжка выходит неровной. Дым горячий, царапает горло, не распределяется, а вваливается сразу. Воздух будто становится плотнее, сопротивляется. В груди возникает короткое сжатие, непроизвольное, и тело реагирует раньше, чем появляется мысль. Кашель поднимается резко, сухо, с металлическим привкусом во рту. Глаза слезятся, нос щекочет, слюна становится густой и лишней.

Она отводит сигарету в сторону, держит её, пока кашель стихает, дышит через нос, неглубоко. В голове на секунду пусто — не потому что спокойно, а потому что всё внимание ушло в тело. Горло жжёт, язык немеет по краям, в желудке появляется лёгкая, неприятная волна, как при слишком крепком кофе натошак.

Мария сидит, не двигаясь, и ждёт, пока ощущения осядут. Они не складываются в удовольствие, не обещают продолжения. Просто фиксируются: жар, сухость, слабое головокружение, которое приходит и тут же отступает. Она смотрит на сигарету, на тонкую полоску пепла, и отмечает без раздражения, что эксперимент состоялся.

Она наливает ещё. Немного. Не потому что хочется — потому что пауза между действиями начинает давить. Алкоголь уже не жжёт, он просто расплзается, как тёплая вода по кафелю. Мыслей меньше. Тела — больше.

Мария берёт сигарету вновь. Пальцы неловкие, как у человека, который впервые держит инструмент и делает вид, что умеет. Вторая затяжка выходит рваной. Дым плотный, горячий, он не входит — он вторгается. Горло сжимается мгновенно, будто кто-то резко перекрыл воздух. Мария пытается вдохнуть глубже, как учили пациентов, и тут же понимает, что это ошибка. Кашель поднимается из груди сам, без разрешения, сухой, злой. Она отворачивается, будто в комнате есть кому смотреть.

Голова плывёт. Не приятно — странно. Как если бы кто-

то слегка повернул помещение, не предупреждая. Вкус остаётся на языке: горький, химический, навязчивый. Слёзы выступают вновь, без эмоции, чистая физиология. Это раздражает больше, чем если бы было больно.

Она резко выдыхает, тушит сигарету о пепельницу раньше, чем собиралась. Рука дрожит — не сильно, но достаточно, чтобы заметить. Сердце бьётся чаще, не тревожно, а как после лестницы, которую не планировал. В животе неприятно сжимается, лёгкая тошнота, больше похожая на предупреждение, чем на угрозу.

Мария сидит неподвижно. Переживает тело, как переживают приступ у другого человека: наблюдая, отмечая, не вмешиваясь. «Никотиновая реакция», — автоматически отмечает она, почти с профессиональным интересом.

Алкоголь рядом — надёжнее. Он уже работает, ровно и без сюрпризов. Сигарета — нет. Она не выключает, она, наоборот, возвращает в тело слишком резко. Мария отодвигает пачку подальше, не выбрасывает. Не делает выводов. Просто фиксирует: не сейчас.

Она допивает. Медленно. Мысли снова становятся ватными, края сглаживаются. В этом месте она чувствует себя безопаснее — не потому что хорошо, а потому что тихо. Память молчит. Имя мужа не всплывает. Пустота не болит, она просто есть, как выключенный свет в комнате, где давно никто не живёт.

Мария сидит ещё немного, потом встаёт на ватные, не гля-

дя на стол. Вода из-под крана холодная, почти неприятная. Она пьёт маленькими глотками, как будто боится спугнуть эффект. В горле всё ещё саднит, но уже иначе — не остро, а тупо, как после долгого разговора на повышенных тонах. Желудок отпускает. Сердце возвращается к привычному ритму, неохотно, с задержками.

Она стоит у раковины, опираясь ладонями о край. Кафель под пальцами гладкий, слишком чистый для этого вечера. В зеркале — лицо без выражения. Не усталое, не пьяное, просто выключенное. Так ей привычнее.

Мария делает ещё глоток и чувствует, как тело постепенно собирается обратно, словно после неудачного эксперимента. Алкоголь остаётся фоном — ровным, мягким, проверенным. Он не требует внимания. С ним не нужно договариваться. Он просто есть.

Сигареты лежат там же, где она их оставила. Она смотрит на пачку несколько секунд, без раздражения, без желания. Отмечает реакцию — или, скорее, её отсутствие. В теле нет запроса. Нет даже любопытства. Только память о горечи во рту и этом резком, почти унижительном кашле.

«Значит, не моё», — думает она. Мысль сухая, почти деловая, как пометка в карте пациента. Без сожаления. Без скрытого вызова. Просто факт, который можно учитывать дальше.

Мария допивает воду, ставит стакан в раковину и не моет — потом. Сейчас это не имеет значения. Она возвращается

к столу, садится, подтягивает колени ближе. Алкоголь снова берёт своё, аккуратно, без скачков. Мир становится тише. Контуры — мягче.

Мария закрывает глаза на несколько секунд и позволяет телу делать то, что оно умеет лучше всего: молчать.

Она сидит, не меняя позы, и удивляется тому, что время идёт. Часы тикают, холодильник иногда вздыхает, где-то в доме хлопает дверь — чужая жизнь, чужие вечера. Ей не нужно в них участвовать. Это облегчает.

Сигарета в пепельнице погасла слишком рано, и на фильтре остался след от губ — неровный, случайный. Мария смотрит на него секунду дольше, чем нужно. Пачку не прячет и не отталкивает. Просто кладёт обратно — туда же, где она лежала. Не жест отказа. Скорее, аккуратное возвращение предмета на место.

Мыслей почти нет. Только фразы без глаголов. Короткие, как заметки на полях. «Не сейчас». «Потом». «Посмотрим». Она не формулирует это как решение и не называет выбором. Слишком громкие слова для такого состояния.

Алкоголь продолжает делать своё. Сглаживает края. Снижает необходимость помнить последовательность событий. Не требует честности, только присутствия. И пока этого хватает, причин останавливаться действительно нет.

Она закрывает глаза и позволяет вечеру закончиться без неё.

Пачка сигарет остаётся рядом.

Глава 11

Кабинет встречает одинаково всегда. Стул клиента чуть левее окна, чтобы свет не бил в глаза. Стол с краю, не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.